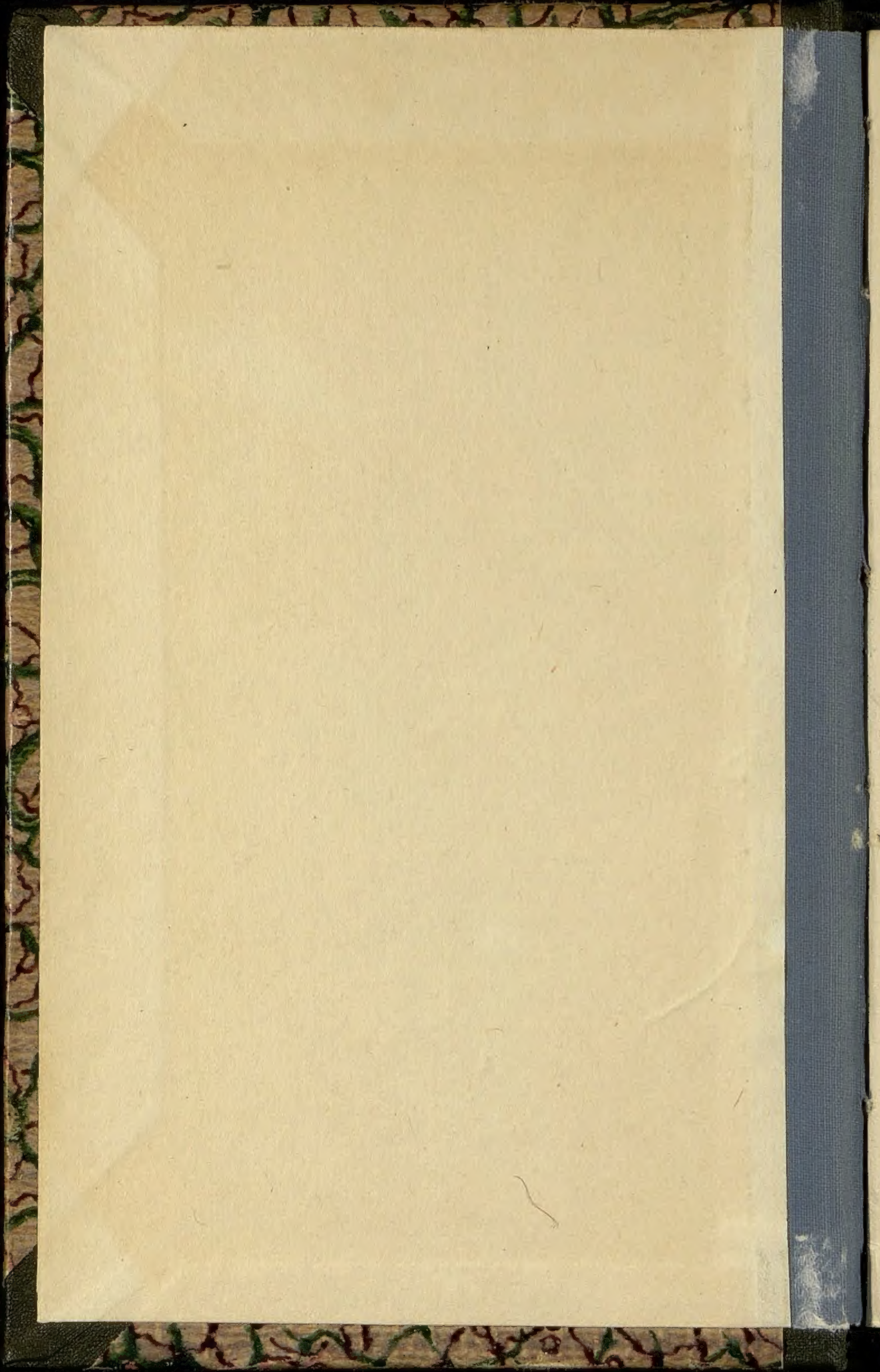
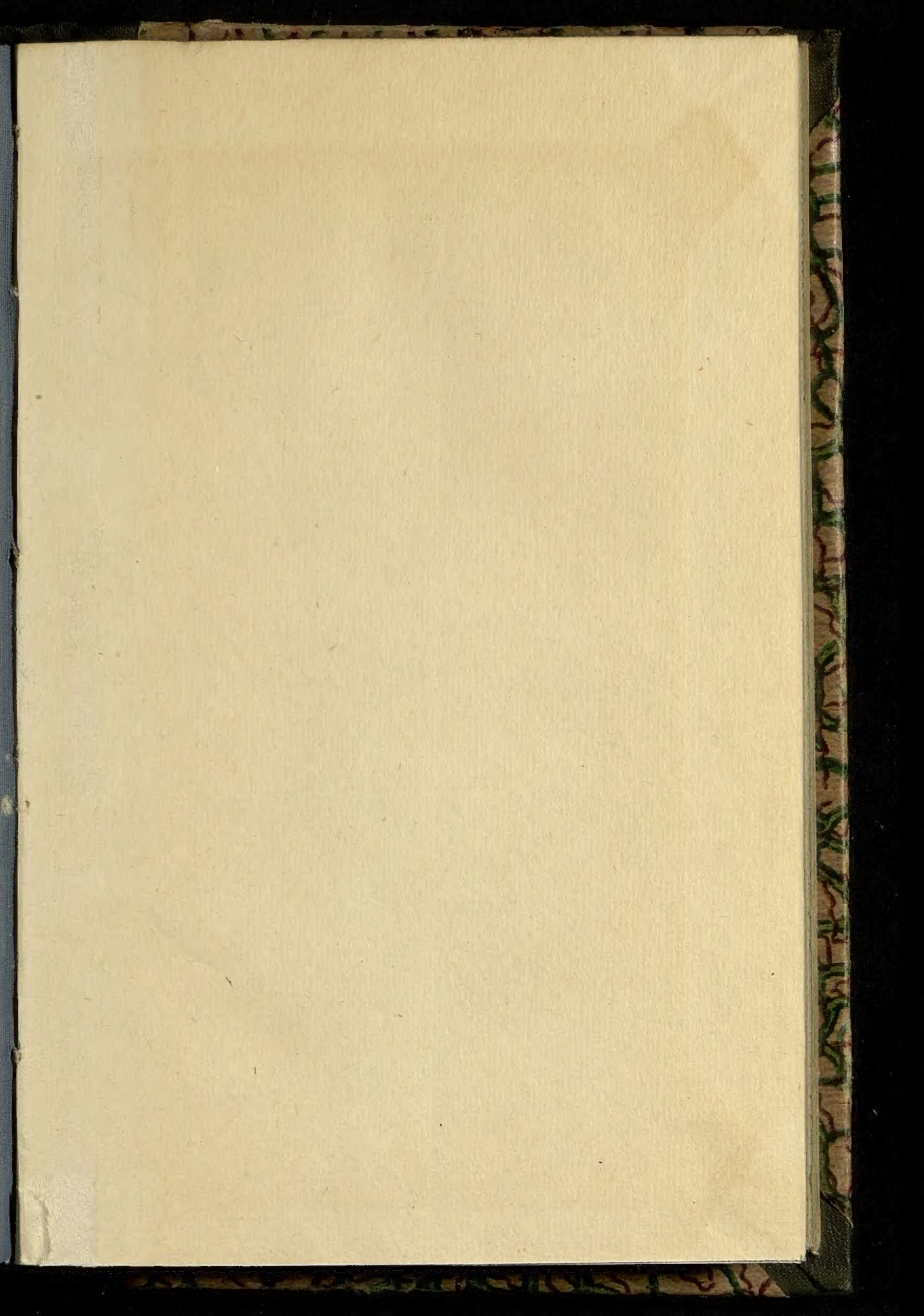
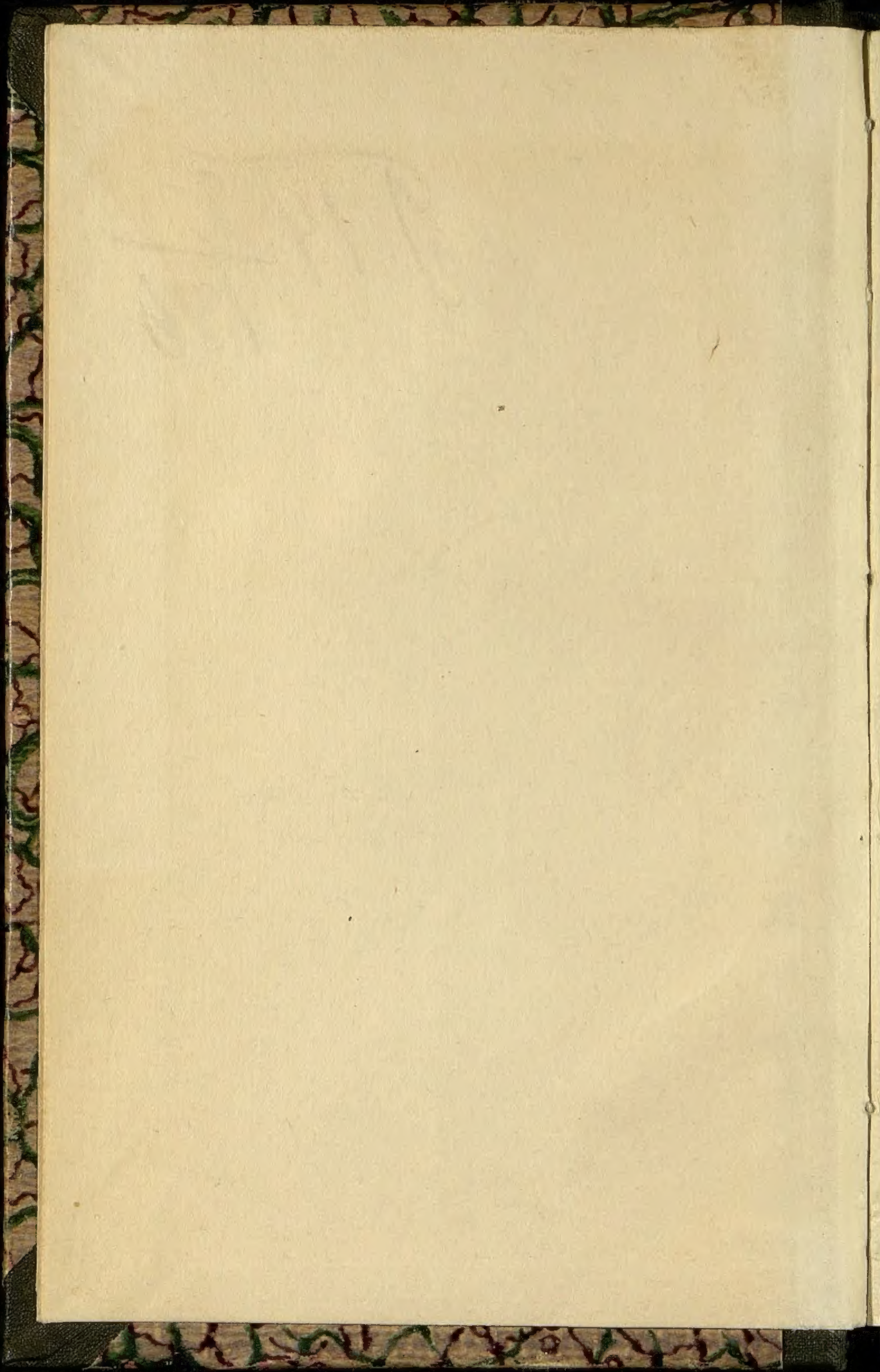

T 14 2
v f - 586

Г 14 ²
186

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Такія занятія имѣютъ ту особенную выгоду, что упражняютъ разумъ не упомляя его; онѣ ведутъ къ почному но безпрудному, глубокому но не сухому и невразумительному разысканію; онѣ разсыпаютъ цвѣты на пути наукъ; и хошя содержатъ разумъ въ нѣкоторомъ напряженіи и дѣятельности, но за то облегчаютъ его отъ труда болѣе изнурительнаго, каково есть пріобрѣтеніе необходимой учености, или разысканіе отвлеченныхъ истинъ.

Blair; preface, p. 12.

РАЗСУЖДЕНІЕ
О
РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

С о ч и н е н о

Евстафьемъ Спаневичемъ.

4817.

Библиотека

Ивана Егоровича

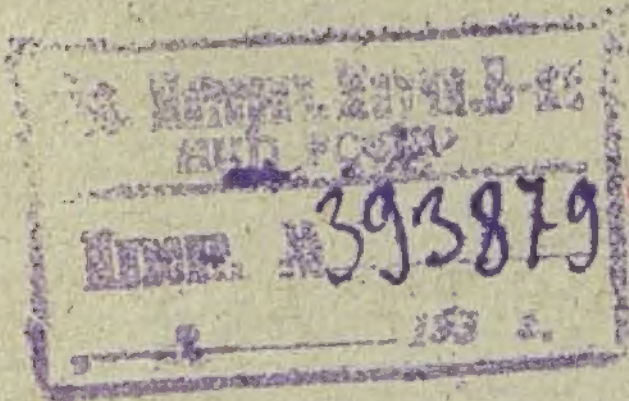
Заблужденія

ЧАСТЬ I. — 2

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго
Комитета.

1864/5

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Печатано въ Типографіи Ивана Глазунова,
1808 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Разсматривая какую бы то ни было книгу, должно взирать во первыхъ, на пользу ея; а во вторыхъ, на средства употребленные сочинителемъ къ достиженію оной пользы: ибо нѣтъ почти такой книги, исключая развѣ писанныхъ для одного только удовольствія и пріятности, которая не предполагала бы своей цѣли пользы; и нѣтъ такого сочинителя, который не воображалъ бы, что его средства суть самыя вѣрныя, надежныя и лучшія. Но какъ всякой имѣетъ свои особенныя начала, на коихъ онъ основываетъ разсужденія, изъ коихъ выводитъ доказательства; то поному и нужно доказательства сіи прежде повѣрить, разсужденія взвѣсить и вникнуть въ правила, дабы узнать, тѣ ли они суть, кои надежно для своего руководства употреблять можно? Всѣ говорятъ о пользѣ; всѣ предлагаютъ свои мнѣнія за самыя безошибочныя, но не на всякія изъ нихъ можно полагаться. Чтوبъ не обманулся въ выборѣ оныхъ, то для сего нужно прибѣгнуть къ искусству раздробленія, дабы помощію онаго, какъ научаетъ насъ Кондильякъ, опдѣлить сначала хотя нѣкоторыя справедливыя разсужденія отъ ложныхъ, а потомъ уже достигать и до самой истины, прежде отъ насъ сокрытой: какъ въ наукѣ числительной помощію нѣкоторыхъ извѣстныхъ чиселъ доходятъ до неизвѣстныхъ прежде количествъ.

Руководствуясь симъ свѣтильникомъ умствованія, разсмотримъ здѣсь книгу *разсужденіе о старомъ и новомъ слоgъ Россійскаго языка*, и вникнемъ въ причины, понудившія сочинителя написать оную. Раздробимъ его правила и средства со всею строгостію, и такимъ образомъ проникнемъ въ его сердце, сопричастимся его чувствованіямъ, поставимъ себя на его мѣстѣ, посмотримъ, на предлагаемыя имъ въ сочиненіи его вещи изъ той точки, изъ которой онъ и самъ глядѣлъ на нихъ; и буде есть вѣрнѣйшая, то перенесемъ и на ту, да-

бы осмопрѣвъ тѣ вещи со всѣхъ споронъ, могли надежныѣ на изысканіе дѣла нашего положились.

Что побудило сочинителя написать сію книгу? послушаемъ его самого. “Всякъ, говоришъ онъ, кшо „любишъ Россійскую словесность, и холя нѣсколь- „ко упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неиз- „цѣлимою и лишающею всякаго рассудка спраснію „къ Французскому языку, шомъ развернувъ боль- „шую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ съ сожалѣ- „ніемъ увидишъ, какой спранный и чуждый поня- „тію и слуху нашему слогъ господспивуетъ въ „онихъ“ Такъ начинаешъ сочинитель свою книгу, и въ первыхъ спрокахъ ея не скрываетъ своего мнѣнія о поврежденіи языка нашего новыми писателями. Сіе мнѣніе подспверждаетъ онъ многими выбранными изъ новѣйшихъ книгъ примѣрами, коихъ несообразность съ правилами и сущесствомъ Россійскаго языка доказываетъ несамопроизвольными какими возраженіями, но на словопроизведеніи и разумъ нарѣчія основанными разсужденіями. Пропивники его, возражая ему, не токмо не говоряшъ ни гдѣ, что онъ взводишъ на шѣхъ писателей ложь и небылицу, но подспверждая еще приведенные имъ примѣры, защищаютъ ихъ какъ испинные образцы красотъ нашей словесности: еспли они возстаютъ на сочинителя, то это за то, что онъ охуждаетъ приведенные имъ примѣры, и называетъ ихъ порчею языка, а неговоришъ съ ними, что они составляютъ богатство оного и служатъ къ вящшему его украшенію и совершенству. Сочинитель разсмаприваемой книги ссылаетъ на славенскія, и приводитъ изъ нихъ цѣлыя мѣста для удобнѣйшаго исполкованія коренныхъ словъ и для яснаго показанія силы знаменованія оныхъ въ первоначальномъ ихъ употребленіи. Вездѣ онъ подкрѣпляетъ свои мнѣнія доказательспвами; вездѣ обьяняетъ доказательспва примѣрами; вездѣ желаетъ показать намъ, что онъ опнюдѣ не посспавляетъ себя судьею, но убѣждаетъ самою древностію языка нашего, сохранившагося чрезъ споль долгое время и между споль многими и различными племенами, кои и поднесъ еще обьяняютъ на немъ свои нужды и мысли. Пропивники его, напропивъ того, вездѣ оказываютъ презрѣніе къ сему прародительскому языку, который самая древность освятила и пощадила,

который сохранило самое время, изпребившее полъ многие другіе; и къ чему оно не смѣло, кажется, прикоснувшись своею косою, на то съ толикимъ оспервененіемъ они посягають. Мудрые члѣпъ даже и грубые народныя предразсудки, освященные вѣками; буде же къ нимъ и прикасаются, то развѣ со всею осторожностію и благоразуміемъ; но и тогда въ дѣйствіяхъ своихъ они поспунають медленно и поспепенно, предоспадая болѣе послѣдующимъ вѣкамъ ослаблять и попомъ изпровергать ихъ, почитая дни свои крапками для приведенія намѣреній своихъ въ исполненіе. Такъ мудрые и съ самыми невѣжественными обычаями поспунають. Но что внушаетъ имъ сію кропосъ? Имъ ли щадить невѣжество, имъ ли преклонять блестящее лучами испинны чело свое предъ кумиромъ народныхъ заблужденій? Нѣтъ безсомнѣнія; однако та же мудросъ, которая озарила ихъ разумъ, внушила имъ и снисхожденіе къ людскимъ предразсудкамъ, содѣлавшимся нѣкоторымъ успѣшеніемъ народовъ; не предразсудки щадятъ они, но ближнихъ своихъ, покоющихся на сихъ предразсудкахъ, какъ бы на мягкомъ возглавіи, и посреди грозныхъ привидѣній пріятный сонъ вкушающихъ: внезапное пробужденіе можетъ быть иногда пагубно. Не по такимъ ли дѣйствіямъ познается чловѣколюбіе? Защищники же новаго нарѣчія по видимому не разсудили за благо послѣдовать симъ правиламъ, а почли за лучшее не токмо не щадить подобныхъ предразсудковъ, но еще вмѣстили себя въ какую то особенную славу воспанъ на самую священную вещь, какая только можетъ быть для народа: они воспанли на языкъ свой, коего первые звуки поразили ихъ при рожденіи, коему научались они вмѣстѣ съ лепешаніемъ, и къ коему на грудяхъ матерей своихъ привыкали еще съ воздоеніемъ.

Я не стану приводить здѣсь всѣхъ ихъ оскорбительныхъ для языка выраженій, дабы не утомить читателя, и не паскучить ему повнореніемъ того, что сказано какъ въ ихъ собственныхъ разсужденіяхъ, такъ и въ опроверженіяхъ на нихъ сдѣланныхъ, и поелику почти каждому читателю о нихъ и безъ того извѣстно.

Нынѣшніе сочинители, создающіе особенный языкъ свой по образцу языка Французскаго, ничего другаго таковымъ ихъ поступкомъ не доказываютъ, кромѣ того, что не прилѣжая съ младен-

чеснѣва кѣ отечественной словесности, они употребили большую часть своего времени на изученіе нарѣчія чуждаго; а пришедши въ совершенный возрастъ были споль лѣнивы, что не захопѣли вникнуть въ книги, написанныя ихъ предками: или сдѣлались споль не благодарны кѣ своему отечеству, что предпочли своему нарѣчію языкъ иноплеменный, коего красотою до того ослабились, что уже ни какой здравый разумъ не въ состояніи обратишь ихъ на путь истинны. Но оставимъ на время обнаруживать ихъ заблужденія, а лучше разберемъ, откуда могло произойти въ душахъ ихъ такое кѣ отечественному языку охлажденіе? Обратимся на сей конецъ кѣ сочинителю разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ, дабы не потерять его изъ виду, и пойдѣмъ за нимъ въ его разсужденіяхъ, изслѣдуемъ начальныя причины, возродившія въ немъ первыя о таковомъ языка поврежденіи понятія. . . . „Отколѣ, спрашиваетъ онъ самъ, пришла намъ такая нелѣпая мысль, что должно коренный, древній, богатый языкъ свой бросить, и основать новый на правилахъ чуждаго, не свойственнаго намъ и бѣднаго языка Французскаго? Поищемъ источникъ сего крайняго ослабленія и грубаго заблужденія нашего“.

„Начало онаго происходитъ отъ образа воспитанія; продолжаетъ онъ; ибо какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знаменитѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у Французовъ, прилѣпляющія кѣ ихъ нравамъ, обучающія презирать свои обычаи, нечувствительно получающія весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорящія языкомъ ихъ свободнѣе нежели своимъ и даже до того заражаются кѣ нимъ прирасптіемъ, что не токмо въ языкѣ своемъ ни, когда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ поспыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастающія и величающія“.

Вотъ начало, откуда производитъ почтенный согражданинъ нашъ сіе разращеніе умовъ нынѣшнихъ писателей, сіе безразсудное наше пристрастіе кѣ чужому нарѣчію, сіе слѣпое рвеніе научаться оному на томъ концѣ, дабы пренебрегать попомъ

своимъ народнымъ. Вездѣ видна въ его твореніи любовь къ отечеству; на каждой страницѣ обнаруживается его усердіе къ истинѣ; съ каждымъ словомъ излещаетъ желаніе обратишь своихъ единомышленниковъ на любленіе общаго намъ языка. Попомство, предъ лицомъ котораго исчезающъ всѣ личныя помыслы и частныя виды, станетъ о немъ судить по симъ лишь чувствованіямъ, и конечно повѣритъ ему. Оно также будетъ справедливо обременя насъ за нашу холодность ко всему отечественному тѣмъ презрѣніемъ, какое мы теперь оказываемъ съ такою благодарностію отцамъ нашимъ. Такъ по истинѣ, ни что другое, кромѣ воспитанія, не властно произвести въ умахъ полъ непонятной перемѣны, возжечь въ сердцахъ полъ примѣрной ненависти къ своему природному нарѣчію, и полъ чуднымъ и страннымъ образомъ направить наши понятія. Безъ сей очаровательной, или паче нашъ разумъ обояющей силы не могло бы произойти такой превратности во всѣхъ нашихъ разсужденіяхъ, такого рѣшительнаго обращенія отъ всего того, что досталось намъ отъ нашихъ предковъ, и полъ непоступнаго упрямства вооружающъ противъ того, что почитается за самое священное и у дикихъ даже народовъ. Такъ, одно воспитаніе всему злу сему причиною. Иностранцы принимаютъ дѣтей Россійскихъ при ихъ рожденіи; иностранцы руководствуютъ ихъ младенчествомъ, управляютъ юношествомъ; иностранцы окружаютъ нѣкоторыхъ изъ бояръ нашихъ предпочтительно предъ ихъ единомышленниками. Словомъ, Рускіе не могутъ ступить шагу безъ того, чтобы не имѣть при себѣ иностранца; и сія зараза предпочитаетъ иноземное природному до того разпространилась, что начиная отъ столицъ до самыхъ отдаленныхъ селеній, вы найдете повсюду иностранцевъ воспитывающихъ, образующихъ, и наставляющихъ дѣтей дворянъ нашихъ. Таково состояніе Россійскаго дворянства, которое, по несчастію, чѣмъ блистательнѣе, тѣмъ болѣе подвержено полъ справедливымъ отъ согражданъ своихъ укоризнамъ. Пріѣзжій изъ дальняго области въ Москву, а наипаче въ Петербургъ, приходитъ въ искушеніе спросить, въ Россіи ли онъ? Вездѣ, гдѣ ни появится онъ, слышитъ, что говорятъ по Французски; и горе ему, если онъ не въ состоя-

ни, я не говорю уже во все, хотя посредственно на семъ языкѣ обѣясняюсь. Будучи членъ народа издревле преславнаго своими побѣдами, и привыкшаго давать другимъ народамъ законы, онъ принужденъ будетъ по среди сполиты сего самаго народа стыдиться, что родители его не дали ему пристойнѣйшаго и лучшаго воспитанія, нежели какое онъ получилъ отъ нихъ; то есть, что они давъ ему понятіе о наукахъ украшающихъ его разумъ, не научили его болшаго по Французски. Уже онъ обвиняетъ ихъ за такое о немъ небреженіе, и безумнымъ ропотомъ возмущаетъ тишину гробовъ ихъ. Онъ почитаетъ себя несчастнымъ, думая, что онъ въ обществахъ не къ спани; онъ тоскуетъ о какихъ то утѣхахъ, пріятностяхъ, коихъ лишился по не знанію языка Французскаго; и всякой его вздохъ лепитъ на могилу опцевъ его нарушать покой костей ихъ. Безумецъ! поистини ты не щастливъ не потому, что не говоришь по Французски; но что безуміе твое подобно несмысленныхъ людей до того обуяло твои мысли, что ты изъ ихъ заблужденія дѣлаешь свое несчастіе. Возвратися въ мѣста побою оставленныя, возвратися подъ мирныя тѣни деревъ насажденныхъ благопворною рукою твоихъ предковъ; насажденныхъ, можетъ быть, или въ знаменіе какого подвига на пользу отечества, или во знакъ сердечной ихъ нужности къ своимъ дѣтямъ; возвратися въ нѣдра вѣренныя тебѣ судьбою добродушныхъ поселянъ, между которыми, можетъ быть, ты наслаждался прочнымъ щастіемъ; не подражай преступно вѣрнымъ твоимъ соотечественникамъ, которые покоемъ, судьбою и всѣмъ благомъ бѣдныхъ земледѣльцевъ жертвуютъ своимъ прихотямъ, подкрѣпляемымъ въ нихъ выдумками народа, о не знаніи нарѣчія котораго ты соболѣзнуешь. Опомнися на время, обрати твои взоры на тѣхъ, коимъ ты завидовалъ спалъ. Правда, они искусны въ чужомъ языкѣ, но за то невѣжи въ своемъ; они щедро ради шщеславія награждаютъ льстящихъ самолюбію ихъ иностранцевъ, но вникни въ участь поселянъ ихъ: не они ли становящся первою жертвою таковой ихъ справки къ чужезычію, а съ онымъ и ко всему иноземному? Вино сребрился въ ихъ кубкахъ посреди собранія, составленнаго изъ ино-

спранцевъ, а у поселянъ ихъ не достаеиъ уже по-
пу для орошенія полей ихъ. Французъ приуговля-
ющій имъ яствы получаетъ иногда такую плату,
какою нѣскольکو семействъ могли бы жить свобод-
но и благополучно, и когда, можетъ быть, умира-
ютъ съ голоду нѣкоторые изъ крестьянъ ихъ. Ска-
жи мнѣ, какой Французъ говорилъ нашимъ дворя-
намъ о жалости къ подчиненнымъ ихъ? Не Фран-
цузъ ли еще утверждалъ злодѣйскія въ нихъ мысли,
что крестьяне наши грубы, не просвѣщенны, дики,
и что ужасно жить между ими, пятоспно быть
опцемъ ихъ? Нѣтъ, внушаютъ въ нихъ состраданіе
къ соотечественникамъ и любовь къ народу своему
есть дѣло Русскаго, а не иностранца.

По истиннѣ таковое соспояніе доспойно сожалѣ-
нію, когда не знаніе языка Французскаго спало почи-
таеиъ или невоспитаніемъ или невѣжеспвомъ. Въ слѣ-
дствіе сего когда изъ средняго соспоянія кпо выхо-
дитъ на нѣкоторую значущую спепень почестей, и не
получилъ воспитанія, какъ у насъ называютъ, про-
свѣщеннаго, онъ нанимаеиъ къ себѣ Француза, и
будучи пожилыхъ лѣтъ, спараеиъ всѣми спо-
собами ломать несчастный языкъ свой, дабы приобу-
чить его къ правильному словъ Французскихъ вы-
говору; и симъ средствомъ сопріобщивъ избран-
нымъ общеспвамъ большаго свѣта, гдѣ будто за-
кономъ положено казатъся какъ можно менѣе Рус-
скимъ. Смѣшно и спранно видѣтъ Русскаго дворя-
нина, часпю изъ хорошаго и извѣспнаго дома, въ
которомъ опечеспво нѣкогда считало вѣрныхъ сы-
новъ своихъ и защитниковъ, проливавшихъ за него
кровь свою и жертвовавшихъ ему своею жизнью,
какъ онъ всячески ужимаеиъ губы, по пришепбли-
ваеиъ, по карпавиетъ, дабы какъ можно ближе по-
дойти къ Французскому произношенію. И для чего?
Для того чтобы Французъ похвалилъ его и со
всею грубою лестію сказалъ, что онъ гово-
ритъ какъ природный Французъ. Но кпо бы-
ваеиъ сей Французъ? Часпо какой нибудь маспе-
ровой, волосочосъ, портной, торгачъ, разжившійся
на счетъ раззоренныхъ дворянъ; и симъ подобные,
пріѣхавшіе въ Россію, прельсая слухами возвра-
тившихся отъ насъ съ наживомъ ихъ единосом-
цовъ, считающихъ землю нашу впокою для себя
Мексикою. Признаюсь, пока такое подражаніе для

меня было ново, я не могъ смотрѣть безъ сердечнаго огорченія на сіе толь низкое, подлое, грубое, безстыдное и для Россіянина не простибельное униженіе; кровь во мнѣ кипѣла отъ негодованія; и еслибъ то было въ моей власти, то всѣхъ таковыхъ Русскихъ я выгналъ бы изъ отечества, яко недостойныхъ сыновъ его, такъ какъ отсѣкаютъ отъ тѣла зараженный членъ для спасенія цѣлаго. Теперь же когда силою непрестаннаго и невольнаго обхожденія такіе поступки стали для меня слишкомъ обыкновенны, то и самое негодованіе превратилось въ одно презрѣніе къ таковымъ изъ Русскихъ. Если случается мнѣ видѣть что нибудь подобное, то смѣхъ беретъ меня внутренно; хотя правда все какое то скорбное чудотвореніе съ тайнымъ негодованіемъ къ тому примѣшивается. Сіе особливо случается тогда, когда видишь такъ унижающагося предъ иностранцемъ дворянина, котораго предки украшались лаврами побѣдъ, прославляли своими заслугами отечество, были его подпорою, и полагали все свое щеславіе въ томъ, что они родились Русскими.

Посмотримъ-ли мы на нѣкоторыхъ изъ матерей нашихъ? увидимъ, что и онѣ содѣлались виновницами сего всеобщаго развращенія. Какое воспитаніе даютъ онѣ своимъ дѣтямъ? Какія правила онѣ влагаютъ въ нихъ? Какія понятія напечатлѣваютъ на слабомъ мозгу ихъ? Кого избираютъ въ помощники себѣ для воспитанія и образованія ихъ? О, стыдъ! часто самая грубая женщина, ничего не знающая, ничего несмыслящая, кромѣ навычнаго болтанія на языкъ своемъ; не имѣющая иного достоинства. кромѣ того, что она Француженка, беретъ ихъ другою, содѣлываетъ и наставницею дѣтей ихъ. Но отъ чего сіе происходитъ? Не уже ли отъ просвѣщенія? Нѣтъ, отъ самаго постыднаго невѣжества каково есть предубѣжденіе не въ пользу своего отечества. Если бы онѣ имѣли хотя малое понятіе о выгодахъ дѣтей своихъ, то безъ сомнѣнія, не были бы довольны пустымъ изученіемъ языка чужаго. Но будучи невѣжи, онѣ думаютъ что если научили дѣтей болтать по Французски, то уже все сдѣлали. Да и дѣйствительно, не имѣя сами во все никакихъ познаній, какъ узнать имъ о успѣхахъ дѣтей своихъ, предполагая, что

имѣ преподавали бы ученіе на одномѣ Рускомѣ языкѣ? Самыя обыкновенныя науки, которыми въ чужихъ краяхъ украшаются благородныя дѣти, неизключая изъ сего числа и дѣвушекъ, для нихъ та же парабарская грамота. Будучи почти всѣ Простаковыми для нихъ Географія, Исторія, начальныя правила Математики (я не говорю о вышнихъ уже наукахъ и нѣкоторыхъ полезныхъ и пріятныхъ художествахъ), столь же мало понятны, какъ и послѣдней деревенской бабѣ; и пошому попираются онѣ на одинѣ Французской языкѣ. Тутъ и самой дуракѣ разсудитъ что, когда рабенокъ спалъ говоритъ по Французски, слѣдственно онъ чему то научился. Далѣе сего ни умъ ни способности ихъ не прогрессируютъ. По мѣрѣ же навыка въ чужомъ нарѣчій опиваются онѣ своего. Малое сего употребленіе дѣлаетъ его дикимъ, грубымъ, жесткимъ для умовъ дѣтей ихъ; а отъ того рождается въ нихъ презрѣніе къ своему языку, и желаніе усовершенствоваться во Французскомъ, къ которому уже слухъ ихъ привыкнулъ. Естественное же всего этого слѣдствіе бываетъ то, что не зная хорошо ни того, ни другаго, они весьма не много словъ имѣютъ для своего употребленія въ разговорахъ; и принуждены бываютъ обращаться всегда къ однимъ и тѣмъ же вещамъ, которые вчера и прежде были содержаніемъ ихъ разговора. Вотъ отъ чего не услышишь въ ихъ бесѣдахъ ни чего другаго, чего бы ты не слышалъ отъ нихъ и прежде; отъ сего же происходитъ и скучное единообразіе въ ихъ мнѣніяхъ и рѣчахъ; отъ того несносное ихъ болтаніе, которое тѣмъ еще докучнѣе, что напередъ уже знаешь, что они тебѣ сказать хотятъ. Видно что пословица, про одніе дрожжи не говорятъ прожды, выдуманна не въ наши пустословныя времена; а тогда, когда предки наши знали какъ украшать бесѣды свои разнообразіемъ предмѣшовъ, входившихъ въ составленіе разговоровъ ихъ. Теперь лишъ бы болтанъ; а вѣдаетъ ли голова про то, о чемъ языкъ лепечетъ, до того имъ дѣла нѣтъ. Да и какъ заниматься имъ чѣмъ нибудь важнѣйшимъ? Вѣдь чтобъ умѣть хорошо объясняться, потребно имѣть нарочитое богатство словъ; а ихъ то имъ и не достаетъ: однихъ они не доучили, тѣ позабыли, о другихъ и не слыхивали, а тѣмъ одичали для нѣжнаго

ихъ слуха. Впрочемъ бѣдность словъ предполага-
етъ равную бѣдность и въ разумѣ: ибо разумъ объ-
емлющій довольно различныхъ предмѣтовъ, богатый
самъ собою, пребудетъ и много словъ къ выраже-
нію богатыхъ его мыслей потому, что слова ни
что иное суть, какъ только простые наружные знаки
нашего о вещахъ понятія.

Обращаясь отъ сыновей къ дочерямъ, воспи-
таннымъ таковыми матерями, найдемъ тѣже не-
достатки, тѣже пустоты въ ихъ домашней жизни,
увидимъ тоже презрѣніе къ полезнымъ и ихъ полъ
украшающимъ знаніямъ. Наимъ ли красавицамъ на-
бивать голову свою такимъ вздоромъ? Не краснорѣ-
чивы ли онѣ, не искусны ли въ оборотахъ рѣчей,
когда дѣло идетъ о нарядахъ, маскарадахъ, теа-
трахъ, магазинахъ, а не мѣшаешь прибавить къ
тому и о злословіи, которое рождается праздно-
стію, держится скукою, служитъ приправою бѣ-
сѣдъ ихъ, и придаетъ нѣкоторую живость ихъ рѣ-
чамъ, такъ точно какъ соль придаетъ вкусъ ку-
шанью? На семъ основываются всѣ ихъ разговоры;
отсюда заимствуютъ онѣ всѣ цвѣты своего кра-
снорѣчія и всѣ пріятности обхожденія. Но oprичъ
сего, не спрашивай у нихъ ни чего другаго; и естѣ-
ли ты побывалъ у нихъ раза два, то потомъ хотя
сто разъ будь, услышишь все тоже, съ нѣко-
торою тожю по временамъ переменною, смотря по
тому, какой откроется вновь магазинъ, какой прі-
ѣхалъ новой актеръ, или актриса; или смотря, ка-
кой несчастной попался въ ихъ знакомство. У сихъ
ли матерей дѣти могутъ чемунибудь полезному
научиться; отъ нихъ ли передастся имъ любовь къ
отечеству, о которомъ не говорятъ онѣ ни слова;
а естѣли и говорятъ, то вѣрно такъ, что несра-
венно былобъ лучше, естѣли бы онѣ молчали? У
сихъ ли матерей могутъ они занять чтонибудь
такого, что нужно для благополучія будущей ихъ
жизни? Отъ сихъ ли матерей научатся они нрав-
ственности, которыхъ недостатки и даже пороки
они примѣчаютъ, будучи свидѣтелями или любо-
пытнаго ихъ обращенія, или слыша укоризны
своихъ родителей, какими попрекаютъ они другъ
друга? Вотъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ, которые
должны пріуготовлять гражданъ для отечества.
Вотъ нѣкоторое начертаніе нашего дворянскаго во-

спитанія, ксего дѣйствія спали, по несчастію, ошущельны даже и вѣ самыхъ опдаленныхъ мѣстахъ Россіи; и прошиву сего по воспитанія воснаетъ почтенный сочинитель, разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка; хопя вѣ книгѣ своей онъ точно и не говоритъ объ ономъ, но касаяся ему слегка болѣе обращается къ малому употребленію природнаго нарѣчія. Но по и другое печетъ опъ одного испочника.

„Подобно сему и прежде восклицалъ велерѣчивый Плапонъ нашъ: и такъ видимъ, сколь важно естъ „сіе возложенное на родителей обязательство (воспитаніе). Но вѣ нынѣшнія несчастливья времена малое о томъ видимъ радѣніе: или и естъ радѣніе, но вѣ томъ, что едва ли не къ большому „служитъ развращенію. Повѣряемъ любезный свой „залогъ людямъ неизвѣстнымъ, пришельцамъ, ни „какихъ вѣ себѣ слѣдовъ честности не имѣющимъ, „которые сами или избѣжали наказанія, или испра- „вляемы бытъ должныствуютъ. Но пусть бы они „были и честные люди: по чему обучаемъ? Гово- „римъ иностранными языки, плясанію, какъ обра- „щанъ мечъ, что вѣ случаѣ спраснаго жара „могъ его употребитъ на произненіе другаго. А обу- „ченіе закона гдѣ? А изъясненіе существенныхъ по- „нятій добра и зла гдѣ? А выразумѣніе настоящаго „человѣческаго благополучія и несчастія гдѣ? Сіе „представляемъ судьбѣ.

„Но когда уже съ сей стороны дѣти оспаются „безпомощными по по крайней мѣрѣ вѣ домашнемъ „родителей своихъ поведеніи находятъ они добрый „для себя примѣръ. Они во внутреннихъ своихъ „общалищахъ благоговѣйны, воздержны, честны. „Ихъ бесѣда благоухаетъ разговорами о благоразу- „мномъ хозяйствѣ, о содержаніи слугъ вѣ порядкѣ, „о употребленіи имѣнія на добрыя и полезныя дѣ- „ла, о сохраненіи правосудія, о истинной храбро- „броси, о благодѣтельствѣ другимъ, о удаленіи „опъ роскоши и праздноспи, о прилѣжномъ долж- „ности исправленіи. Таковыя бесѣды естъ школа „нравоученія: и наши предки вѣ семъ по внутрен- „немъ училищѣ обучались, не пребуя пришлецовъ „опасной помощи, и были добрые Христіане, и че- „стные Граждане.

„Но школа разливающегося плѣнія и самыя наши

„домы, самыя ложницы заразила. Чпо мы здѣсь уви-
 „димъ? что услышимъ? Видимъ роскошь безпре-
 „дѣльную, праздноспѣ всегдашнюю, ревнованіе, какъ
 „одному другаго превзойти въ мотовствѣ: видимъ
 „домъ всегдашними моливами не освящаемый, при-
 „зываніемъ имени Б.жія не благословляемый. Слы-
 „шимъ разговоры безбожіемъ смердящіе. А когда
 „дѣти не видятъ насъ въ домахъ, гдѣ находятся?
 „Въ церкви? въ судилищѣ? Въ Соборѣ добродѣтель-
 „ныхъ? ни какъ: а гдѣ? На зрѣлищахъ, на конскихъ
 „риспаніяхъ; или охотахъ, въ зборищахъ нещаслі-
 „емъ прикрытыхъ и подозрительныхъ. И такъ
 „порча переходитъ изъ рода въ родъ безъ удерж-
 „нымъ печеніемъ.

„Да возчувствуемъ сіе наше нещасливое поло-
 „женіе; да убоимся наказанія которое мы себѣ при-
 „уготовляемъ въ развращеніи дѣтей. Да попечемся
 „о ихъ и своей благополучной жизни.,, (См. поучи-
 „тельные слова Платона 1777 года Февраля 2 дня.

Дѣйствительно можно сказать съ нѣкоторымъ въ-
 „рояніемъ, что многія упущенія при воспитаніи,
 „имѣющія попомъ худыя послѣдствія; произхо-
 „дятъ отъ презрѣнія къ отечественному языку
 „пираемаго: такъ какъ напротивъ того прилѣпленіе
 „къ нему укрѣпляетъ любовь къ землѣ своей, и бы-
 „ваетъ причиною многихъ другихъ гражданскихъ до-
 „бродѣтелей. Когда ученіе природнаго слова пре-
 „небрегается, тогда искусство свободно и пріятно на
 „немъ обѣясняется пропадаетъ; отвычка отъ него
 „производитъ трудность; трудность располагаетъ
 „къ отвлеченію, а сіе къ неупражненію; неупражненіе
 „причиняетъ скуку, а скука въ свою очередь, выго-
 „няетъ насъ изъ дому, и заставляетъ въ шумѣ за-
 „бавъ и не прерывныхъ утѣхахъ искать облегченія
 „душѣ своей. Мало по малу мы дѣлаемся спрасными
 „ми ко всякаго роду забавамъ. Ослабивъ нравствен-
 „ность, мы преклоняемся къ разврату; потерявъ не-
 „порочность, мы дѣлаемся распутными. Всего эшаго
 „мы избѣгнули бы, когда бы умѣли заниматься у се-
 „бя въ комнатахъ; но что бы умѣть чѣмъ нибудь за-
 „няться, по для сего потребно знаніе языка природнаго.
 „Владѣя имъ съ довольнымъ искусствомъ, всякое сво-
 „бодное отъ должности, или домашнихъ заботъ вре-
 „мя, мы посвящали бы на усовершенствованіе себя
 „въ немъ, чтобъ облегчить пути къ другимъ нау-

камъ, и наполнишь часы свои столь невинными и пріятными упражненіями. За недоспаікомъ же сего, мы болшаемъ по Французски, и пишемъ на немъ также предпочтительно предъ своимъ: но какъ мы пишемъ? Дѣсятилѣтній рабенокъ, выросшій во Франціи, безсомнѣнія, напишетъ глаже и чище; лзя ли однако рабенка сего почестъ знашомъ языка? Конечно нѣтъ; исключая весьма не большаго числа дешей опличающихся въ такіе лѣта своими дарованіями, всѣ другіе, что не написали бы, написалибъ весьма слабо и не правильно. Чѣмъ же спанемъ мы теперь гордиться? Мы пишемъ по Французски, и думаемъ, что пишемъ превосходно; или, по крайней мѣрѣ, хорошо. Безумные мы слѣпцы, кто намъ въ этомъ повѣритъ, кромѣ такихъ же безумцевъ? Кто на своемъ языкѣ не умѣетъ писать складно, тотъ ли что напишетъ хорошо на чужомъ? Самые величайшіе умы учатся по цѣлому вѣку своему природному нарѣчію, и со всѣмъ тѣмъ дѣлаютъ иногда грубыя ошибки, тогда какъ слухъ ихъ непрестанно имъ поражается и привыкаетъ ко всѣмъ оборотамъ и тонкой разборчивости онаго. Что же заключить о письмахъ нашихъ на чужомъ языкѣ? И если бы по несчастію то не было на самомъ дѣлѣ, то кто бы могъ повѣрить, что мы не на шутку думаемъ, что можемъ прекрасно сочинять на немъ? Обкрадывая всѣхъ Французскихъ сочинителей, мы употребляемъ ихъ слова и выраженія, какъ говорится ни къ селу, ни къ городу; и марая бумагу, воображаемъ себя быть маленькими Волперами и Жанъ-Жаками: но благоразумный иностранецъ видитъ только ворону въ чужихъ перьяхъ. Мнѣ удавалось слышать нѣкоторыхъ изъ моихъ соотечественниковъ, не выѣзжавшихъ никогда изъ Россіи, что они намѣривались писать цѣлыя книги на языкѣ Французскомъ, и печатать ихъ во Франціи; надобно прибавить, что они были совершенно увѣрены въ томъ, что хорошо написали бы, хотя весьма плохое имѣли понятіе о своемъ, выключая нѣкотораго навыка обѣясняясь на немъ съ довольною свободою. Что сказать на сіе? Что иное, кромѣ презрѣнія. Чѣмъ извинишь сіе, какъ не помѣшательствомъ на языкахъ иностранныхъ? . . .

Такъ я повторяю, что не упражненіе въ своемъ

языкъ есть уже начало растущихъ страстей, которыя въ послѣдствіи причиняютъ большую часть тѣхъ гибелей, которыми царства потрясаются: ибо всякое такое неупражнение показываетъ нашу холодность къ спранъ своей и къ ея выгодамъ. Но не холодною чувствіемъ цвѣтетъ опечесиво, ниже равнодушіемъ къ нему гражданъ возносятся и благоденствуютъ. И такъ, кто говоритъ о любви къ опечесиву, а предпочитаетъ чужой языкъ своему природному, тотъ лжетъ. Кто выхваляетъ, защищаетъ языкъ свой, и говоритъ, что онъ его любитъ, а больше объясняется на иносипранномъ, тотъ лжетъ, и не любитъ ни языка своего, ни опечесива: ибо любить опечесиво безъ любленія языка своего, и любить языкъ свой безъ употребленія его, также правдоподобно какъ и то, когда бы кто захотѣлъ увѣрять, что тѣло можетъ жить безъ души. Кто выдаетъ себя за любителя опечесива и ревнителя его выгодъ и просвѣщенія, а окружаетъ себя иносипранцами, также лжетъ; поступки его изобличаютъ во лжи языкъ его. Бѣра и любовь отъ дѣла познаются. Кто одобряетъ иносипранцевъ подъ видомъ пользы своего опечесива, пребывая хладнокровнымъ къ дарованіямъ своихъ согражданъ, явно свидѣтельствуетъ, что онъ не любитъ опечесива прямымъ сердцемъ истиннаго гражданина; или, показываетъ тѣмъ, что онъ до того уже невѣжа, что не знаетъ въ чемъ состоитъ и любовь къ опечесиву. Любящіе не припворно свое опечесиво со всѣмъ иначе поступаютъ. Любовь сія блистаетъ въ глазахъ ихъ, дышетъ ихъ устамъ, передается съ каждымъ словомъ, обнаруживается въ каждомъ ихъ поступкѣ; каждый шагъ ихъ и всякое движеніе показываетъ, что они одушевлены, движутся ею; всѣ ихъ мысли погружены въ нее; всѣ ихъ заботы и попеченія обращены къ ней; весь ихъ разумъ вперенъ въ нее; всѣ ихъ предпріятія имѣютъ ее цѣлю, концемъ и опорой. Словомъ вся знаменитость дѣла, имени и жизни ихъ ею только красны, обширны, велики, свѣтлы, торжественны и безсмертны. Сіи люди не токмо не чуждаются языка своего, но предпочитаютъ его всякому другому на свѣтѣ, хотя бы и дѣйствительно онъ былъ грубъ и бѣденъ, а тотъ

согласенъ, пріятенъ, богатъ и сладкозвученъ. Они пошщилися бы его сравнятъ съ нимъ, а не презираютъ его. Для людей сего рода не токмо ихъ отечество, языкъ и народъ священны, но и самыя народныя обычаи; и даже предразсудки. Любя славу земли своей, они не по себѣ въ достоинство вмѣняють, что могутъ бросить свободно ни чего незначащую часть отъ своихъ доходовъ чловѣку съ дарованіями, но что имѣли щастіе отыскать его и быть ему полезными. Такъ мыслили и мыслятъ не только знаменитые вельможи, но и Государи. Но лзя ли взыскивать и ободрять дарованія не любя языка своего? Безсомнѣнія нѣтъ. Мы и теперь видимъ людей богатыхъ, которые оказываютъ себя покровителями пиомцевъ Музъ; но сіе дѣлають они не столько по любви къ наукамъ и отечеству, сколько ради снуда быть уже во все бездѣйственными на ихъ видной степени. А отъ того по средству ими къ тому употребляемыхъ сумъ столько же неудачны, колико не числосердечны ихъ поступки. Молодой художникъ, или любитель наукъ, выходитъ отъ нихъ съ тою же робостію, съ какою и вошелъ къ нимъ. Получаемыя отъ нихъ ласки производятъ въ немъ нѣкоторую мгновенную радость; но сія радость оставляетъ его при выходе изъ чертога: ибо она не принесла ему вмѣстѣ съ собою того утѣшенія, какое чувствуютъ при ободреніи паланпа; но была послѣдствіемъ бѣдности, восхищенной ласками барина. То не Меценатъ ободрялъ дарованія, но вельможа снисходилъ къ бѣдности. И отъ того по сколько бы разъ бѣднякъ ни приходилъ къ тому вельможѣ, всегда будетъ также робость сопровождать его къ нему. Напротивъ того чловѣкъ съ дарованіями всякой разъ когда приходитъ къ истинному Меценату, оставляетъ мало по малу свою робость; довѣріе входитъ въ его сердце; свобода и благоприспособность соединяють ихъ взаимно; нѣкая дружеская бесѣда укрѣпляетъ ихъ союзы, украшаетъ ихъ разумы и преплетаетъ цвѣтами утѣхъ часы ихъ жизни. Тако сначала малыя и робкія способности становятся обширными дарованіями; а сіи образуютъ потомъ тѣ великіе умы, которые составляютъ славу народа, украшеніе чловѣчества, и честь ихъ покровителей. Однако все сіе не дѣлается безъ знанія и

любви къ языку своему. Одно только знаніе и любовь сія могутъ творить судей разборчивыхъ. Не опѣ не знанія ли и равнодушія къ языку своему бываетъ, что вельможи, ради спыда уже показывая себя покровителями юныхъ талантовъ, покровительствуютъ имъ безъ всякаго разбора и искусства. Имъ лишъ бы покровительствовать, а какъ и кого до того имъ нужды нѣтъ. Но человекъ съ прямыми достоинствами рѣдко получаетъ входъ въ ихъ палаты: спыдая домогаться того чрезъ ихъ грубыхъ и подлыхъ прислужниковъ, онъ остается въ безвѣспности и помлени бѣдности, теряетъ лучшее свое время въ скудости и неимѣя способовъ умножить свои познанія, умираетъ безъ всякой пользы своему опеческву, сносая съ собою во гробъ прискорбное чувствованіе, что и талантамъ потребно слѣпое щасіе. Вельможа мнящій полагать все свое достоинство въ знаніи и богатствѣ, устраняетъ отъ себя дѣйствительныя дарованія, а окружается людьми, коихъ весь умъ состоитъ въ томъ, чтобы угождать его прихотямъ, славолюбію, и умѣтъ безъ мѣры льстить ему. Они другъ друга достойны. Но имѣй вельможа истинную любовь къ своему опеческву и къ его славѣ; онъ спанетъ тогда любить и языкъ свой; плѣняясь имъ; преимущественно предъ другими говоритъ на немъ; подавая собою благородный примѣръ послѣдовать ему; и если бы научался онъ другому языку, то развѣ въ томъ намѣреніи, дабы узнать красоты онаго, а съ тѣмъ и то, что не достаеиъ его словесности. и спараться обогатить ее. Такъ только дѣйствуя можно находить вѣрныя способы къ ободренію юныхъ дарованій своихъ соопеческвенниковъ. Уваженіе къ самому себѣ, какъ въ частномъ человекѣ такъ и въ цѣломъ народѣ, раждаетъ дѣла великія. Гдѣ нѣтъ сей добродѣтели, тамъ ни чего не можетъ сдѣлаться, что бы достойно было передать вѣкамъ и потомству. Но я не могу довольно часто повторять того, что все сіе не можетъ сдѣлаться безъ любви къ языку своему, сея души народа и опеческвва.

Но не всѣ еще приведены здѣсь мною причины упадка языка нашего. Не одно домашнее, но равно и общественное воспитаніе къ тому у насъ спо-

собспивуетъ. Не довольно того, что по всей Россіи разсѣянные иностранцы приучаютъ нашъ слухъ къ языку своему, наше пониміе къ образу ихъ мыслей, и располагаютъ умы наши къ предпочпенію нарѣчія ихъ своему природному; мы имѣемъ множество еще общенародныхъ училищъ, ими заведенныхъ, гдѣ лучшее наше дворянство воспитывается по образцу иностранцевъ. Въ сихъ злобѣдственныхъ для Россіи училищахъ, дѣти, будучи окружены иностранцами, переспаютъ сами бытъ настоящими Русскими, и вырастаютъ ко вреду своего отечества. Пагубныя слѣдствія такого воспитанія, по нещастію, спали слишкомъ очевидны, и я не думаю, чтобы кто нибудь усумнился въ истиннѣ словъ сихъ; исключая, можетъ быть, сихъ самихъ полу Русскихъ, которые должны уже ради стыда своего не признавать онаго. Такимъ-то образомъ опнивая сами у себя гражданъ своихъ, обращеніемъ Русскихъ въ не Русскихъ, мы умножаемъ число иностранцевъ, вмѣсто того, чтобы надлежало еще обращать иностранцевъ въ Россіянъ, и всѣми образы спараться усыновлять, привязывать къ землѣ нашей, заставляя ихъ полюбить и народъ нашъ, и языкъ, и обычай; словомъ надлежало бы употребить всѣ средства, чтобы сдѣлать ихъ Русскими. Сего, кажется, пребуетъ самое искусство правленія; и симъ только образомъ Римляне содѣлалися могущественными и сильными. Россія и безъ того по обширности предѣловъ своихъ малолюдна; а особливо естли принявъ въ разсужденіе всѣ различныя, составляющіе ее народы, изъ которыхъ поlikое еще число, по всей справедливости, необразованными именоваться могутъ: слѣдственно самая нужда научаетъ насъ, сколь полезно всякое приумноженіе новыхъ гражданъ. И хотя около спа лѣтъ мы обладаемъ нѣкоторыми нѣмецкими племенами, но побзжайте въ обласпи, ими обипаемыя, вы повсюду увидите презрѣніе ихъ къ языку нашему. Виною сему, можетъ быть, терпимостъ и снисхожденіе нашего правительсва, во всякое время опличавшагося симъ добродѣтелями. Но тамъ надлежитъ бытъ концу кропости и терпимости, гдѣ ихъ продолженіе можетъ обратиться къ собственному вреду своему.

Не спанемъ мспитъ ни Шведамъ, ни Полякамъ за всѣ нанесенныя ими раны нашему отечеству, за

кровь согражданъ нашихъ рѣками проліянную, за ужасное разхищеніе и выжженіе городовъ и селъ нашихъ, за избіеніе народовъ; не снѣмемъ говорю я, хотя пѣни предковъ нашихъ вопіюніи къ намъ объ отмщеніи; но не будемъ, по крайней мѣрѣ, виновны прошиву нашихъ попомковъ; не оставимъ средствъ къ предупрежденію новыхъ бѣдъ; ибо судьбы царствъ также непостоянны какъ и людей, и никогда не должно дремать въ щасіи. Когда прежде право сильнаго было на сторонѣ Шведовъ и Поляковъ, они позволяли себѣ всѣ неслыханныя жестокости въ разсужденіи побѣжденныхъ своихъ: но нынѣ, когда единодушіемъ и мужествомъ нашимъ, сіе право перешло къ намъ, то не плетя имъ пѣми же варварствами, приложимъ, да и всякое благоразуміе сего пребудетъ, все свое стараніе къ испребленію не народовъ, не городовъ ихъ и селъ, но ихъ нарѣчія. Ни какой мудрецъ не можетъ охуждать сего. Ни какой правитель не долженъ упускать сего изъ виду. Сіе одно можетъ предохранить Государство отъ многихъ горестныхъ для него послѣдствій; а можетъ быть и отъ конечнаго паденія, могущаго произойти отъ раздѣленія народовъ, управляемыхъ не однимъ языкомъ, и слѣдственно не однимъ разумомъ, а посему и не одинакими выгодами. Тѣло имѣетъ одну душу; такъ и государство должно имѣть одинъ языкъ. На сей конецъ, для чего бы и давно не завести было въ покоренныхъ земляхъ Русскихъ училищъ, чтобъ Русской языкъ и тамъ господствовалъ? Для чего бы не учредить было такъ, чтобы ни кто изъ иностранцевъ, побѣжденныхъ Россійскимъ оружіемъ, не былъ принятъ въ службу, естли онъ не будетъ знать по Русски? Для чего не употребить къ тому всѣхъ пружинъ славолюбія, чести, и самаго прибытка? Мнѣ случилось слышать Русскихъ офицеровъ, которые, будучи уже въ совершенныхъ лѣтахъ, хотѣли учить по нѣмецки единственно для того, что служба въ одномъ полку съ нѣмецкими Офицерами, они скучали не разумѣя ихъ тогда, когда имѣли съ ними ежеминутныя, неминуемыя по должности сношенія. Но не сходи-ли бы первымъ было учиться по Русски, чтобы умѣть говорить съ Русскими по Русски? Естли они почитаютъ себя сынами Россіи, то для чего не стараются они и говорить такимъ язы-

комъ, какимъ говоритъ большая часть прямыхъ сыновъ ея?

Время обратишь вниманіе на сію столь важную часть нашего воспитанія. Время, повноряю, дабы не было уже поздно, когда бы обстоятельства принудили насъ и по не волѣ на сіе оглянуться. Милость къ побѣжденнымъ хороша и похвальна; и въ разсужденіи сего они лишь похваляясь должны нашимъ правительствомъ, не опличающимъ ихъ ни мало отъ побѣдителей. Они имѣютъ одинакія съ нами права, и пути къ благополучію. Чего-же имъ еще болѣе? Какой народъ, исключая во всемъ безприкладныхъ Россіянъ, какъ въ мужествѣ такъ и въ снисхожденіи, столь далеко проспиралъ милосердіе свое къ побѣжденнымъ, коимъ остается быть только благодарными, чѣмъ не заспавишь когда нибудь великодушнаго правителя Россіи произнести сіе горестное изрѣченіе:

“И часто милости дороги ко вреду.

Особливо нужно опиять у иностранцевъ право содержать въ Россіи общественныя училища. Не говоря о томъ, что Россіяне забываютъ въ нихъ языкъ свой, и выходя отпуда съ достаточнымъ познаніемъ языковъ иностранныхъ, не рѣдко принуждены бывають, при вступленіи въ службу, нанимать студентовъ сочинять имъ бумаги, пребуемая отъ нихъ по службѣ: но и самое возвращеніе въ нравахъ тамъ-же начинается. Я пишу сіе по долговременномъ и прилѣжномъ вниканіи въ сіе дѣло. Приласкавъ иногда къ себѣ учениковъ изъ таковыхъ иностранныхъ, для Россійскаго дворянства успроенныхъ, училищъ, я извлекалъ изъ нихъ разными разговорами все то, чего ревность моя къ опеческву домогалась. Въ полной ко мнѣ довѣренности, и не видя во мнѣ суровости, они свободно мнѣ разсказывали о всемъ томъ, что у нихъ ни дѣлалось, и во всемъ ими сказанномъ я примѣчалъ одно непослушаніе, своевольство, дерзость и буйство, сихъ началъ всякаго возвращенія и неустройства въ Государствѣ. Сіе самое подало мнѣ поводъ къ размышленію; я хотѣлъ узнать причину всѣхъ таковыхъ безпорядковъ, и самое дѣло направило меня. О! какъ часто люди отъ того только заблуждають, что не хотять ни мало подумать о томъ, что ихъ вводитъ въ таковое за-

блужденіе. И какъ часто малѣйшее разсужденіе могло бы имѣ показанъ ихъ предразсудки, и облегчить путь къ благополучію. . . . Такъ, любовь къ отечеству заспавила меня вникнуть въ начало худого воспитанія, какое дается ученикамъ въ сихъ частныхъ школахъ; а размышленіе указало оное.

Не говоря о томъ, что большая часть иностранцевъ, содержащихъ сіи училища, при совершенномъ невѣжествѣ въ наукахъ, бывають нравовъ неподзрипелныхъ и худого поведенія, спросимъ, что заспавляетъ ихъ заводить оныя? Не корысть-ли? И не для того ли прѣзжають они въ Россію, чтобы нажиться? Но при такомъ расположеніи ихъ мыслей, могутъ-ли они рачить о поведеніи своихъ воспитанниковъ? Опшюдъ нѣтъ. Чтобъ быть рачительну, надобно взыскивать; всякое взысканіе ведетъ къ нѣкоторой спротивности; спротивность къ принужденію, а принужденіе спановится бременемъ, и тяжко дѣлится. Но что тяжко дѣлится, то не можетъ быть непріятно ихъ родителямъ. Въ свободной участи не охотно сносятъ такую тяжесть; и достопочные родители не потерпятъ, чтобъ дѣти ихъ содержались въ такомъ принужденіи: ибо благоразуміе рѣдко встрѣчается съ богатствомъ. Изъ сего явствуетъ, что для привлеченія къ себѣ большаго числа учениковъ, послабленіе необходимо, а всякое послабленіе не къ добру ведетъ: однако такое послабленіе нужно стало, и иностранцы легко согласились угождать прихотямъ опцевъ и манерей своихъ воспитанниковъ. Какая нужда имъ, что худыя послѣдствія отъ того произойти могутъ? Дѣти чуждой имъ земли могутъ ли внушать въ нихъ то участіе, какое пріемлютъ просвѣщенные наставники въ образованіи юныхъ гражданъ своихъ, въ которыхъ видятъ они подпору, честь и славу своего отечества? Виды ли корысти могутъ подвигнуть на поль высокое дѣло, а особливо такого человека, котораго ни какія узы не связываютъ съ землею для него по всѣмъ отношеніямъ новою? Сего дни онъ въ ней, а на завтра навсегда ее оставляетъ; и не имѣя ни малой къ ней привязанности, сыновъ-ли ее любить станетъ? Гдѣ же нѣтъ любви, можетъ-ли тамъ быть раченіе, а безъ раченія можетъ-ли быть хорошее, прочное воспитаніе? О, Россіяне! о! мои соотечественники, долго ли

намъ быть въ семъ толико пагубномъ для насъ самихъ и для опечесства заблужденіи? Почто не соединяю я въ себѣ всѣхъ дарованій величайшихъ писателей; или по что даръ мой не опвѣчаетъ моему рвенію быть вамъ полезнымъ! Не для славолюбія алчу сего; но единственно для того, дабы собравъ во едино всѣ лучи умовъ ихъ, озарить васъ; и соединя всю силу ихъ вѣщаній, убѣдить васъ по мѣрѣ того, какъ истинна спала бы къ вашему сердцу ближе. Такъ, иносранцы, продолжаю я, не должны быть воспитателями дѣтей вашихъ, сихъ драгоцѣннѣйшихъ залоговъ вашей вѣрности, копорою вы связаны, и копорою должны и клялися опечесству. Чего вы опъ нихъ надѣяетесь? Чего ожидаете? Не благо дѣтей вашихъ, а тѣмъ менѣе чуждаго имъ опечесства, лежипъ у нихъ на сердцѣ, но ваши деньги; для нихъ они пріѣхали, для нихъ работаютъ они, угождающъ вамъ. Пріѣхавъ изъ далека и оставивъ свое опечесство, пожелающъ ли они поперять всѣ свои надежды чрезъ спроеое воспитаніе дѣтей вашихъ, чрезъ представленіе вамъ справедливыхъ причинъ, копорыя такъ часпо возмущающъ родительскую нѣжность даже и тогда, когда и просвѣщеніе соединено съ нею? Когда же они принуждены дѣлать вамъ снорову и пошакать вашимъ дѣтямъ, по какихъ плодовъ должны вы надѣяться опъ ихъ воспитанія? А иначе сему и быть не можно. Корысть и польза ихъ пребуютъ, чпобы они снисходили вашимъ слабостямъ, толико извинительнымъ хошя и опаснымъ, въ сердцахъ родителей. Но снисходя вамъ, они угождающъ и послабляющъ вашимъ дѣтямъ, которые скинули бы съ себя своевольство ихъ подавляющее ярмо принужденія, естли бы не боялися огорчить васъ. Но и въ семъ случаѣ, живое и непрестанно работающее и чрезъ то изощряющееся ихъ воображеніе, толико неиспощимое на выдумки въ ихъ лѣпы, не оставлаетъ ихъ. Множество средствъ предснавляюцца имъ къ уловленію васъ своими ласками и оказанію своимъ учителямъ непослушанія; да и самая невинность возрасна ихъ къ тому имъ способствуетъ. И естли они знающъ когда упопрелятъ въ свою пользу родительскую горячность, то знающъ также и тѣ минуты, когда они могутъ удобнѣе раздражать безнаказанно своихъ учителей, и мстить имъ непо-

слушаніємъ за получаемыя отъ нихъ огорченія. Они весьма знаютъ, когда сводить одно время съ другимъ; когда имъ броситься въ объятія отца или матери осыпая ихъ своими нѣжными ласками, и на персяхъ у нихъ, при ежеминутномъ ихъ лобызаніи, взирають съ коварностію на безгласныхъ своихъ наставниковъ. Въ семъ по случаю можно сказать, что лоно родителей дѣлается гнѣздилищемъ пороковъ дѣтей ихъ. Къ сказанному выше прибавьте еще незнаніе иностранца языка нашего, что дѣти также не оставляютъ безъ того, чтобы тѣмъ не воспользоваться. Прежде чѣмъ иностранный учитель придетъ жаловаться, ученикъ его успѣетъ уже забѣжать къ своей матери, успѣетъ приголубить ее, плѣнитъ своими нѣжностями, упѣшитъ своей болтливостію. Пусть въ сіи минуты приходитъ учитель; онъ долженъ будетъ или нарушить полъ сладкое для матери положеніе, или молчать. Напрасно сталъ бы говорить онъ; еслили мать не разумѣетъ по Французски, или и разумѣетъ да худо, то она не вездѣ пойметъ его; а сынъ успѣетъ заговорить своего учителя. Да хотя бы она и знала языкъ иностранный, то что помогло бы это иностранцу, не разумѣющему того языка, на которомъ онъ обвиняется, и еще предъ такимъ судьей, какова есть мать, и въ такія минуты когда кровь говоритъ и природа торжествуетъ? Всѣ сіи причины вмѣстѣ съ видами нажива, побуждаютъ иностранца, не токмо попускавъ своевольству дѣтей богатыхъ опцевъ, но льститъ ихъ слабостямъ, пріобрѣтаетъ себѣ ихъ довѣренность, и сообщая съ ними обманывая ихъ родителей и тѣмъ утверждая свое мѣсто. Изъ таковыхъ-то учителей и наставниковъ, изъ таковыхъ-то учениковъ состоятъ почти всѣ наши частныя и домашнія дворянскія училища. Въ нихъ-то найдете вы все, что своевольство имѣетъ худого и позорнаго. Отъ пуда выходятъ люди умовъ безпокойныхъ, не имѣющіе ни прочныхъ познаній, ни твердыхъ правилъ нравственности, ни прямой любви къ отечеству, ни прилѣпленія къ вѣрѣ: ибо воспитались тѣми, кои пользуясь госшепріимствомъ принявшаго ихъ народа, употребили права госшепріимства на внушеніе буйныхъ своихъ мнѣній; научались тѣми, кои часто будучи сами невоспитаны и изъ подлаго состоянія,

были только развратителями вѣреннаго имъ юношества; наставлялися пѣмъ, кой почитали нравственности пустою привычкою, любовь къ опечеснѣву предразсудкомъ, а вѣру мечпою. Въ сихъ-то училищахъ увидише вы всѣ добродѣтели ложными; тамъ обучающаго много говоритъ о нихъ, но никогда не исполняетъ. Отъ того-то въ наше время столь великое число владѣльцевъ, кои твердятъ непрестанно о человечеснѣвѣ, а угнетаютъ безчеловѣчно крестьянъ своихъ; гнушаются рабствомъ, а выводятъ ихъ на торжища, или проманиваютъ и проигрываютъ цѣлыя имѣнія, можетъ быть кровію, или смертію, или прудолубіемъ ихъ предковъ пріобрѣтенныя. Отъ того многіе восхищаются у насъ нравственностію, но въ то же время предаются безъ всякаго стыда разврату и порокамъ; и говоря о любви со всею страстностію и нѣжностію, рыщутъ отъ одной непотребной дѣвки къ другой и смердятъ съ ними въ ихъ объятіяхъ. Что-же скажу о любви къ опечеснѣву? Въ разсужденіи сей добродѣтели, большая часть изъ нихъ бывающа не столь приговорна, и ругаясь своими предками, явно показывающа презрѣніе къ своей родинѣ. Такую-же участь имѣетъ и природный языкъ ихъ; и никакое благоразумное разсужденіе въ пользу его сказанное просвѣщеннымъ и добродѣтельнымъ гражданиномъ ихъ, не сильно не только не трепещетъ, но ниже ослабѣетъ въ умѣ ихъ того неслѣпаго начетъ ихъ опечеснѣннаго языка мнѣнія, какое внушилъ имъ иностраннѣйшій ихъ учитель, часто только-же несмысленный, дерзкій и развратный, колько подло предъ пѣмъ было его званіе, изъ коего извлекло его одно легкомысліе Русскихъ. (1)

Дѣйствительно, что большая часть иностранцевъ, воспитывающихся у насъ юношество въ заведенныхъ ими училищахъ, или въ дворянскихъ домахъ, соспавлена изъ побродягъ и невѣжъ, въ томъ ссылаюся на самихъ иностранцевъ, которые будучи воспитаны, просвѣщены и благонравны, стыдясь своихъ единосемцевъ занимающихъ съ ними равныя мѣста по тому только праву, что говорятъ однимъ языкомъ; сіи иностранцы удивляются нашему заблужденію, и будучи благодарны за данное имъ у насъ гостепріимство, столько еще скромны,

что вмѣсто того, чтобы называть насъ за такія поспупки невѣждами, какъ мы сего и заслуживаемъ въ семъ случаѣ, относящѣе оное къ нашему добродушію; и не укоряя, жалуютъ о насъ. (2)

„Прилѣжаніе Римлянъ, говоритъ Роленъ, съ какимъ они обучались языку своему, наставляетъ и насъ, какимъ образомъ должны мы научаться своему собственному. Дѣти ихъ приучались отъ колыбели къ чистотѣ языка. Сіе попеченіе почиталось у нихъ первою и самою существенною обязанностію послѣ нравовъ. Оно особенно возлагалось на самихъ матерей, кормилицъ и служителей. Имъ поручалось, колико возможно остерегаться отъ того, чтобы въ присущствіи дѣтей не вырывались у нихъ выраженія или слова съ неправильнымъ удареніемъ, опасаясь, что бы первыя сіи впечатлѣнія не произвели въ нихъ заматерѣлой привычки, отъ которой въ послѣдствіи они опснать уже не въ силахъ будутъ.„

„Римляне, а особливо во времена республики, вмѣнили бы себѣ въ безчестіе и униженіе, есѣли бы они спали съ чужеземными народами производить переговоры не на языкѣ Латинскомъ, хотя бы то было въ Римѣ или въ провинціяхъ. Плутархъ въ жизни Катона Ценсора повѣствуетъ о немъ, что будучи посланъ республикою къ Афинянамъ, онъ долгомъ почелъ говорить съ ними на языкѣ Латинскомъ, хотя и зналъ превосходно по Гречески. Да и Цицеронъ не осмѣлся безъ упрека за то, что будучи въ Греціи онъ говорилъ въ собраніи по Гречески. Однако Павелъ Емилій говорилъ на семъ языкѣ съ царемъ Персеемъ, что сдѣлалъ онъ, можетъ быть, изъ уваженія къ его Сану, а и того болѣе къ несчастному его положенію.„

Потомъ обращаясь къ языку Французскому онъ укоряетъ своихъ соотечественниковъ въ маломъ къ нему прилѣжаніи, и относитъ сіе къ недоспашку ихъ воспитанія.

„Римляне, говоритъ Джибонъ, были такъ увѣрены въ дѣйствиіи языка на нравы народныя, что они почитали за самое важное дѣло, при усиліяхъ своего оружія, пещися о введеніи въ употребленіе языка Латинскаго. Древнія нарѣчія Италіи, какъ то Сабинянъ, Етрусковъ и Венеціанъ пришли въ забве-

ніе. Языкѣ Вириліевѣ и Цицероновѣ, хотя сѣ нѣкопорымѣ неминуемымѣ поврежденіемѣ отѣ смѣшенія, сдѣлался споль общимѣ, что нарѣчіе Пуническое или Цельническое едва могло сохранишься шокмо вѣ горахѣ, или между креспьянами. Сѣ воспитаніемѣ и ученіемѣ природные житєли тѣхѣ спранѣ мало по малу получали и чувспвованія Римлянѣ, и Италія надѣляла Латинскія свои области какѣ своими обычаями, такѣ и законами (*) Такѣ поступали Римляне какѣ во времена своего народоправленія такѣ и самодержавнаго соспожня. Отѣ народа перешелѣ сей духѣ самовласпительства кѣ ихѣ Государямѣ. Римляне хотѣли всегда царспвовашѣ какѣ силою своего оружія, такѣ и власпїю языка своего и обычаевѣ. Однако должно замѣшпшѣ, что и Римляне имѣли такой промежутокѣ, когда чужеземный языкѣ предпочипался у нихѣ опечеспвеному; но за шо сіе время не еспѣ и лучшее вѣ ихѣ испоріи. Тогда Римляне переспавали бышѣ Римлянами. Изобиліе и роскошь, вкравшіеся кѣ нимѣ сѣ распространеніемѣ ихѣ завоеваній, ослабили спрогіе ихѣ нравы, и потрясли основаніе гражданскихѣ законовѣ. Гордые до шого времени Римляне склонили лавроносную главу свою предѣ побѣжденными; и поржеспвужа надѣ ними оружіемѣ, побѣждались сами ихѣ языкомѣ и обычаями. Но сѣ упадкомѣ языка ихѣ послѣдовало паденіе ихѣ добродѣтелей, а за сими и самой ихѣ свободы. Вѣ сіе время предпочпеніе Грческаго языка Римскому сдѣлалось явно. Кесарѣ не взирая на нѣкое прошиву Афинянѣ внупренное негодование покровишеспвовалѣ имѣ (3). Наслѣдовавшие по немѣ Государи наслѣдовали ему и вѣ его намѣреніяхѣ. Августѣ, любишелѣ и покровишелѣ наукѣ и художеспвѣ, удостоилѣ Афины особеннаго своего покровишеспства. Клавдіѣ превзошелѣ вѣ шомѣ и самаго Августа. Будучи вѣ одинѣ день вѣ Сенатѣ когда избирались для Ахаи претпоры: я прелоручаю вамѣ сію область, сказалѣ онѣ присудспвовавшиѣ Сенаторамѣ; она всеьма мнѣ драгоцѣнна ради непрестаннаго моего прилѣжанія кѣ грческой словесности

(*) См. The History off the decline and fall of the Roman Empire. by Ed. Gibon. T. I.

Даже Неронъ отличалъ Афины: хотя царствование его и не было таково, чпобы процвѣтати наукамъ. Достойно замѣтить, что своенравные тираны, подъ желѣзнымъ коихъ жезломъ все преклоняется долу, не могутъ быть покровителями наукъ, даже и тогда, когда благопріятствуютъ имъ. Глубокое молчаніе, къ которому въ грозное ихъ царствование принуждаются всѣ граждане, не можетъ способствовать распространенію наукъ. И потому по въ правленіе Нерона знаменитые въ Греціи школы пришли въ упадокъ, а за ними и всѣ другія бывшія не столь знаменитыми. Жаръ къ познаніямъ въ Афинахъ просыхъ, и всеобщее равнодушіе къ наукамъ спало повсемѣстно. Въ царствование только Антонина Афины процвѣли снова съ полученіемъ прежнихъ правъ своихъ и дарованныхъ преимуществъ ученымъ людямъ. Торжественное однако преимущество сіе, оказываемое Римскими Императорами Греческой словесности, не могло не поселить въ Римлянахъ охоты упражняться въ языкъ Греческомъ, а чрезъ то опклонишь ихъ отъ упражненія въ своемъ природномъ: ибо предпочтеніе одного всегда вредитъ другому. Такимъ то образомъ часно самыя лучшія намѣренія Государей обращаются ко вреду собственнаго ихъ отечества. Сіе также показываетъ сколь оспорожны они должны быть при всякой предприемлемой ими перемѣнѣ; и что при всѣхъ благопріятствующихъ по наружности случаяхъ, не всегда бываетъ тамъ благо, гдѣ они наименѣе чаяютъ. И да познаютъ они наконецъ, что ищущій пользы своего отечества въ онаго, и образующій народъ свой не силою собственныхъ его дарованій, заблуждается.

Выше сего было показано, какое зло произошло для Римлянъ отъ того, что они прежде сами прилпились къ языку Греческому, а потомъ, что ихъ Государи его покровительствовали. Теперь покажемъ, какъ своенравіе нѣкоторыхъ Императоровъ ихъ послужило напротивъ того къ поддержанію еще языка Латинскаго. Императоръ Северъ, находясь по близости Афинъ, изъ одного тщеславія захотѣлъ посѣтить оныя, дабы удивляться, какъ говорилъ онъ самъ, красотамъ ихъ и рѣдкостямъ, сохранившимся послѣ толикихъ перемѣнъ,

Греціею претерпѣнныхъ: но не имѣя истиннаго познанія, знатку свойственнаго, онѣ смотрѣли на все въ нихъ превосходное равнодушно. Афиняне, по обыкновенной своей живости ума и склонности къ остроречію, не преминули подшутить на счетъ Императора, а сей не успѣдился отмстить имъ за то ошучиваніе у нихъ правъ. Другій Императоръ вычернулъ изъ списка судей и лишилъ право гражданства одного изъ знаменитѣйшихъ Грековъ за то, что сей не зналъ языка Латинскаго, хотя самъ онѣ произносилъ на Греческомъ языкѣ рѣчи въ Сенатѣ. Тиберій извинялся также предъ Сенаторами что употребилъ въ присутствіи ихъ Греческое слово. Таковыя Римскихъ Государей поступки, какъ ни спранны кажутся, и отъ чего бы они ни происходили, могли весьма сильно дѣйствовать надъ вельможами, (сими вѣчными двора подражателями, для коихъ одного слова Государева довольно, что бы превратить ихъ, какъ то повѣствуется о Цирцеѣ, въ самыхъ гнусныхъ живошныхъ, какъ равно и возродить въ нихъ высокія добродѣтели.

Не нужно болѣе сихъ примѣровъ, что бы показать, что Государь обращающій своею своенравіе на ограниченіе выгодъ и власти иностранцевъ, какія могли бы они получить въ землѣ его ко вреду его подданныхъ, менѣе погрѣшаетъ, чѣмъ тотъ, который подъ видомъ народнаго блага, даетъ имъ усиливаться до того, что его подданные отъ того поспрадать могутъ. Государь всегда хорошо поступаетъ, хотя бы онѣ изъ своенравія или иной причины, ослаблялъ дѣйствіе языка чуждаго въ землѣ своей: ибо чрезъ то даетъ онѣ своему природному укрѣпляться и возвышаться. „Не возможно предсказать себѣ, говоритъ одинъ Французской писатель, koliko украшается языкъ блескомъ Государя и народа, когда они говорятъ на немъ,, . . . (*) Римляне, говоритъ другой писатель, старались заблаговременно распространять языкъ свой во всѣхъ областяхъ Имперіи; отъ того ли, чтобъ сіи нѣси соединены были съ тѣломъ Государства; или въ силу того убѣжденія, что достоинство и важность народа повелителя умалилась бы чрезъ то, когда

(*) См. De l'Universalité de la langue Française, par Rivarol.

бы гсворили вѣ немѣ не однимѣ языкомѣ. На сей конецѣ давали они побѣжденнымѣ народамѣ свои законы, писанные на языкѣ Латинскомѣ; Грекамѣ они опивѣчали не иначе какѣ на Латинскомѣ же и поставили имѣ вѣ обязанность говорить посредствомѣ полмачей, не токмо вѣ Римскомѣ Сенатѣ, но вѣ самой Греціи и вѣ Азіи. (**).

Вѣ Римѣ и самое своеправіе жестокихѣ Государей обращалось вѣ пользу языка Латинскаго; или по крайней мѣрѣ не допускало, что бы онѣ ослабленѣ былѣ силою языка Греческаго, который также ко вреду его былѣ иногда между Римлянами вѣ великомѣ употребленіи. Римляне! даже и вѣ развращеніи своемѣ воспоминали, что они Римляне, и не взирая на ихѣ уничиженіе во времена пиранства, все еще желали повелѣвать вселенною и силою оружія и власною языка своего, содѣлавшагося при ихѣ Императорахѣ всеобщимѣ, и потомѣ опнявшаго первенство у Греческаго.

Греки, еще до Римлянѣ, прославили языкѣ свой и сдѣлали его всеобщимѣ. Греки называя другія народы варварами, старались вперить вѣ ихѣ умы какѣ можно выгоднѣйшее о себѣ понятіе; а такое желаніе не иначе могло припсти имѣ какѣ съ любовію опечесива, которая есть главною пружиною великихѣ дѣяній. И дѣйствительно, гдѣ любовь сія слаба, гдѣ она не возбуждается и не поддерживается правительствомѣ, тамѣ цѣлое государство находится вѣ бездѣйственномѣ, и какѣ бы разслабленномѣ состояніи. Архимедѣ желалѣ такой точки внѣ земли нашей, на которой могѣ бы онѣ утвердить свое орудіе, и тогда бы двигалѣ онѣ ее по волѣ: подобно и Государю попребно только найми такое средство, помощію коего могѣ бы онѣ вѣ сердцѣ народа сохранять сію любовь къ опечесиву, и тогда не было бы для него ни чего невозможнаго. Какихѣ чудесѣ не сдѣлалѣ бы онѣ предводительствуя такимѣ народомѣ? Но можно ли опрождать любовь сію не имѣя уваженія къ народу, а уваженіе къ народу можешѣ ли быть безѣ уваженія къ языку его? Люби опечесивенное нарѣчіе, и ты будешѣ любить народѣ свой, а съ любовію къ наро-

(**) См. Valer. Maxim. 1. 2. с. 2.

ду процвѣтѣнѣ и опечесство. Исторія свидѣтельствуетъ неложнымъ образомъ о сей истинѣ. Гдѣ только процвѣтали народы памѣ и любовь къ опечесству господствовала; но сія также не могла существовать безъ любви къ языку своему. Сія истинна непечатаѣнна на доскахъ всѣхъ лѣтописей міра. Ривароль въ своемъ разсужденіи о всеобщемъ употребленіи языка Французскаго, говоря о языкѣ нѣмецкомъ, сказалъ: „народъ, коего составлялъ онѣ нарѣчіе, не радѣя о немъ, предпочиталъ ему языкъ Латинскій: то какъ заспавить другіе народы принять то, чего сами принять мы не смѣемъ? Европа научилась у нѣмцовъ презирать языкъ нѣмецкимъ.,, Въ другомъ мѣстѣ томъ же сочиненіи говоритъ о нихъ:“ Германія управляется многими владѣтельными князьями, приспосабливаемымъ къ обычаямъ и языку народа любезнаго и просвѣщеннаго. Необыкновенное предпочтеніе, какое сіи Государи и ихъ Академіи оказываютъ нарѣчію чужому, препящиваетъ ихъ природному усовершенствованію, и какъ будто исключаетъ его изъ употребленія, Однако успѣхи нѣмецкаго языка и великое число ученыхъ мужей прославившихъ Германію доказываютъ, что Германцы спараясь отъ часни (4) отвращаютъ отъ себя столь постыдныя для нихъ укоры, оправдываютъ себя предъ Европою похвальною ревностію соучаствовать въ новыхъ изобрѣшеніяхъ, и способствуютъ къ приумноженію полезныхъ опкровеній въ наукахъ, и глубокомысленныхъ ученыхъ разысканій. Мы ли одни опспанемъ отъ просвѣщенныхъ народовъ? Мы ли одни опличимся презрѣніемъ къ языку своему?

Посмотримъ на Французовъ, на сихъ во всемъ нашихъ образцовъ, вскружившихъ намъ до того головы, что мы не смѣемъ, кажется, и спунить и вымолвить слова безъ Французскаго языка. Не всегда ли Французы опличались любовью къ своему языку? И не сей ли любви они обзаны привязанностію къ своему опечесству, самою своей славой и уваженіемъ цѣлаго свѣта? Для чего же во всемъ подражая имъ слѣпо, не подражаемъ и въ томъ, что есть въ нихъ лучшее и похвальное? Съ одной стороны Французы подобно Римлянамъ распротпраня предѣлы своего Государства, вводятъ повсюду употребленіе языка своего; а съ другой подобно Грекамъ вла-

дѣлствуютъ изобрѣтательною силою ума своего и прелестію своего пріятнаго и ловкаго обращенія. При дворѣ и въ дружескихъ бесѣдахъ, въ мирныхъ договорахъ и въ веселыхъ собраніяхъ, вездѣ первенствуетъ языкъ Французскій. Я не вхожу здѣсь въ подробныя и побочныя причины возвышенія и распространенія языка сего, о чемъ Ривароль и Швабъ такъ превосходно умствововали, а говорю объ одной изъ оныхъ, то есть, о любви къ нему его народа, что составляетъ главный предметъ моего разсужденія. Французы не называютъ себя невѣжами, что не говорятъ на языкѣ иностраннымъ, но почитаютъ всякаго другаго невоспитаннымъ, не просвѣщеннымъ, кто не говоритъ на языкѣ ихъ. Да они и въ правѣ такъ думать, когда изученіе языка Французскаго сдѣлалось признакомъ, мѣрою и доказательствомъ благовоспитанія не только у насъ, но и у другихъ народовъ. Научимся же отъ Французовъ не презирать, но уважать языкъ свой, и тогда и мы, подобно имъ, прославимся красою и превосходствомъ своей словесности. Тогда языкъ нашъ перестанетъ казаться намъ бѣднымъ; но съ уваженіемъ къ нему, приложимъ и нашъ трудъ, и найдемъ обильный въ немъ источникъ краснорѣчія и купно сердечныхъ утѣшеній.

Довольно уже и сихъ причинъ къ медленному усовершенствованію языка нашего, которыя намъ существенны, и кои не существуютъ ни у Французовъ, ни у Англичанъ, ни у Нѣмцовъ: то есть малое количество народа по пространству Имперіи. Примѣнимъ, что какъ во Франціи, такъ и въ другихъ весьма населенныхъ Государствахъ, люди средняго состоянія живущіе въ нарочитомъ изобиліи, и посредствомъ своей промышленности и издѣлія могутъ удобно удовлетворять своимъ прихотямъ. Произведенія трудовъ ихъ легко и скоро тамъ расходятся, и щедро награждаютъ за ихъ заботы, бѣднія и время; чего напрошивъ того у насъ быть не можетъ. Масперавой нашъ живетъ бѣдно; и не только бываетъ не въ состояніи что либо удѣлять отъ своей выручки на прихоти, но съ нуждою можетъ прокормить себя; а особливо, когда онъ обремененъ семействомъ. Сіе понимаю я въ такомъ разѣ, когда бы у рабочихъ нашихъ людей ни кто посторонній не отнималъ пропитанія, и когда бы

они свои издѣлія могли збыватьъ всегда надѣжно. Въ семѣ даже случаѣ и при такихъ вѣрныхъ сред-
ствахъ продажи своихъ поваровъ, они бы еще бы-
ли бѣдны: чпожѣ, ежели къ сему ихъ состоянію
мы предскажемъ себѣ невѣрность и трудность та-
коваго ихъ погѣ, по причинѣ той, что иноспра-
нцы надѣляющѣ насѣ своими руководѣліями? До ка-
кого ничтожества не должны дойти у насѣ всѣ ху-
дожественскія и ремесленническія произведенія? Сколь-
ко непреодолимыхъ почти препятствій, дабы
пришли имѣ въ совершенство! Руской будучи утѣ-
шенѣ иноспрадцами, и видя сколь трудно ему под-
нятѣ, какъ говорятѣ, на ноги, и житѣ въ доволь-
ствѣ своими трудами, принужденнымѣ себя нахо-
дитѣ работатѣ на иноспрадца, который пользуясь
неблагоразуміемѣ русскихъ, имѣ же и продаетѣ ру-
ками русскихъ сдѣланныя вещи за иноспрадныя. Въ
такомѣ жалкомѣ и удрученномѣ положеніи у насѣ
среднее состояніе народа, которое въ другихъ го-
сударствахъ находится въ шоль цвѣтущемѣ изоби-
біи, и которое способствуетѣ какъ распростра-
ненію наукъ, такъ и блеску художествъ.

Въ Россіи одно дворянство могло бы поддер-
жать и разширитѣ познанія: но дворяне, воспитан-
ные иноспрадцами, не думаютѣ о Русской словес-
ности; они даже презираютѣ ее; и тогда, какъ у
большихъ Баръ богатые шкафы наполнены прево-
сходныхъ изданій иноспрадными книгами, тамѣ не
видно и одной русской. Спросите у нихъ о причи-
нѣ сего, и они вамѣ скажутѣ, что не нашли
ни одной русской книги достойной быть въ ихъ
библиотекахъ. Нѣтъ ничего хорошаго на Русс-
комѣ, говорятѣ они: и въ семѣ мнѣніи такъ увѣре-
ны, что уже ни что не сильно въ шомѣ разувѣ-
ритѣ ихъ. Толь грубое на счетѣ отечественной
словесности невѣжество сопровождаетѣ ихъ до са-
маго гроба. Ни кто имѣ въ семѣ не противурѣ-
читѣ; или естѣли кто и осмѣлился имѣ что нибудь
сказать въ защиту языка русскаго, то развѣ со
всею робостію и оспороженностію, дабы не прогнѣ-
вить ихъ. Сіе самое заставляя молчатѣ робкихъ и
слабыхъ писателей, подаетѣ нашимъ барямѣ слу-
чай думать, что они со всею силою разума опро-
вергли шѣхъ умствованія, когда изрыгнули хулу на
Русскую словесность.

Постараемся однако обличить нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ въ томъ, сколь ложно они судятъ разсуждая такимъ образомъ о словесности своего отечества. Если бы я спалъ предъ ними защищая здѣсь превосходство нѣкоторыхъ нашихъ писателей, ни мало не уступающихъ иностраннымъ, то я повторилъ бы только то, что было и прежде меня сказано: но не сей способъ прилично употреблять для приспужденія невѣжествующихъ поборниковъ чужезычія. Съ ними какъ съ дѣтьми поступать должно; не разсуждать съ ними нужно, но обращаться къ первымъ началамъ, составляющимъ уже въ послѣдствіи разсужденія. Когда они говорятъ, что въ Россіи нѣтъ превосходныхъ писателей, не спорьте съ ними: ибо не лзя имъ доказать того, чего понять они не могутъ. Что бы судить и разсуждать о превосходствѣ русскихъ писателей, а слѣдственно и языка, надлежитъ имѣть о немъ изрядныя уже понятія; понятія же не приходятъ безъ ученія, какъ и сіе безъ трудовъ и прилѣжанія; но если они не имѣютъ ни того ни другаго, то какъ и требовать отъ нихъ, чтобы они обо всемъ томъ судили здраво. И такъ, не ихъ должно приближать къ нашимъ истиннамъ, для нихъ не довольно яснымъ, но намъ попребно снисойти до ихъ понятій. Согласитесь съ ними на время, что у насъ нѣтъ знаменитыхъ писателей: но они должны согласиться, по крайней мѣрѣ, что у насъ есть такіе, которые болѣе уже хорошіе нежели посредственные. Въ семъ они не могутъ опказать намъ; а съ того начать должно, на что они не вольнымъ образомъ принуждены бывають согласиться. Нашедши чрезъ то способъ съ ними сближиться, станемъ продолжать оппозитъ наши доводы, и отъ начала сего извлечемъ наши разсужденія, не упуская изъ вида сего согласія. Увѣряя, что у насъ есть хотя довольно хорошіе писатели, спросите у нихъ, могутъ ли они удостоить ихъ прочтеніемъ? Нѣтъ . . . Почему же? . . . Потому, что они читаютъ Бюфона, Волпера, Буало . . . Правда, у насъ нѣтъ такихъ писателей; но изъ сего не слѣдуетъ еще, чтобы за Бюфонами и Волперами своихъ не читали. Вѣдь и у Французовъ не вдругъ спали Бюфоны да Волперы; и когда бы Французы не читали прежнихъ

своихъ писателей, такъ бы и у нихъ не было ни Бюфоновъ, ни Волтеровъ, и поль многихъ другихъ сочинителей, прославившихъ свое отечество. Французы не кричали, для чего нѣтъ у насъ Цицероновъ, Демосфеновъ, Гомеровъ, Виргиліевъ; но читая своихъ посредственныхъ писателей, ободряли ихъ; а наконецъ дождались, что и своихъ спали имѣть Гомеровъ и Цицероновъ. Сими благоумными разсужденіями, образуясь въ отечествѣ дарованія, процвѣтають науки, обогащается словесность и творятся великіе писатели. Но такъ ли мы умствуемъ? Такъ-ли ободряемъ своихъ соотечественниковъ? Если бы и подлинно не было у насъ превосходныхъ писателей, то одна любовь къ отечеству, долженствовала бы заставить дворянъ нашихъ мыслить о немъ благопріятнѣе. Когда же многіе изъ нихъ предпочитаютъ изученіе чужаго языка своему собственному, то какъ могутъ поддерживать его другія состоянія?

Такъ, въ Россіи одно дворянство могло бы способствовать къ усовершенствованію нашей словесности; а съ усовершенствованіемъ оныя распространить и другія познанія. Но, можетъ быть, спросятъ, отъ чего въ другихъ Государствахъ процвѣтаетъ наука, хотя и тамъ дворянство съ начала не столько прилѣжало къ нимъ? На сіе отвѣчать не трудно. Всякому хотя мало вникающему въ хозяйство Государства извѣстно, что всѣ Государственные заведенія, заключающіяся въ различныхъ заводахъ и мастерствахъ, смотря по ихъ предмету, не иначе существовать могутъ какъ отъ излишества народа, такъ, что малое количество земли по соразмѣрности числа жителей будучи недостаточно къ пропитанію ихъ и угрожая имъ бѣдностію и нуждою, пробуждаетъ разумъ изобрѣтенія, и принуждаетъ нѣкоторыхъ гражданъ посвящать себя ремесламъ и художествамъ. Въ сіе время, дабы избѣгнуть угрожающей нищеты, и всѣхъ послѣдующихъ за нею бѣдствій, прибѣгаютъ они къ разнымъ средствамъ, какія только вымыслъ влагаетъ въ умъ ихъ. Тогда чего не могутъ они получить отъ земледѣлства, то старуются съ лихвою выручить посредствомъ издѣлій своихъ: ибо народъ ставъ раздѣленъ различными упражненіями на разныя званія, процвѣтаетъ тогда въ каждомъ своемъ

сословіи. Земледѣльцы не будучи болѣе стѣснены недоспашкомъ земли, посвящаютьъ себя совершенно земледѣльству, а ремесленники и художники, видя свои пруды сугубо награждаемыми, и любя новый родъ своей жизни, ревнуютъ о приведеніи его въ цвѣтущее сословіе. Ремесла не остались въ одномъ положеніи, но съ ежедневными успѣхами начали приходять въ поспѣшенное совершенство; и не токмо удовлетворяли первымъ нуждамъ, но спали угождатьъ взору, льститьъ вкусу и плѣнитьъ разумъ. И тѣ изъ ремесленниковъ обогащались, кои предъ своими товарищами отличались пріятностію, прочностію и вымысломъ своего рукодѣлія. По мѣрѣ размноженія народа размножались и сего рода люди: но какъ избытокъ народа произвелъ ихъ, такъ и они отъ избытка своего сословія произвели другія сословія людей. Купцы сдѣлались вскорѣ столь же необходимы для обоихъ выше упомянутыхъ сословіи, сколько нужны были передъ тѣмъ ремесленники для земледѣльцевъ; и какъ ремесленники обогащались земледѣльцами, такъ равнымъ образомъ купцы извлекали свои богатства изъ обоихъ сихъ сословіи. Поелику же ихъ промыслъ не требовалъ отъ нихъ ни привязанности земледѣльцевъ къ одному мѣсту; ни сидячей жизни ремесленниковъ; то и обороты ихъ къ наживу стали обширнѣе, и средства многочисленнѣе. При первомъ раздѣленіи сословіи мы видѣли избытокъ; но здѣсь является уже роскошь. Роскошь прихотлива; почему и способы къ удовлетворенію ея сдѣлались неизчерпаемыми золотыми рудниками для купечества, которое въ свою очередь болѣе и болѣе распространялося отъ множества людей приспававшихъ къ нему ради легкаго и удобнаго обогащенія, коего всякой могъ отъ него надѣяться.

Въ сіе по время спали нужны люди, кои оставя ремесло и не вступая въ купечество, посвящали бы себя на такія занятія, кои служили бы къ увеселенію и пріятности. Здѣсь начинается рожденіе наукъ и художествъ, которые процвѣтають по мѣрѣ того какъ они бывають нужны; а нужда въ нихъ становится ощутительнѣе по мѣрѣ количества народа и его потребностей: ибо народъ питаетъ ихъ отъ избытка своего (5). Сіе доказываютъ намъ всѣ Государства, гдѣ ремесленники и

купцы могутъ почестся первыми восстановителями просвѣщенія: ибо дворянство приспавало къ нимъ послѣ, и только однимъ спыдомъ и очевидными своими пользами къ тому побуждаемо было. По сему по хощя въ нѣкоторыхъ Государствахъ правительство и оставляло безъ вниманія опеческвенную словесность, но она будучи поддерживаема не токмо купцами, ремесленниками, но частію и земледѣльцами, пришла въ цвѣтущее состояніе.

Со всѣмъ прошивное сему случилось въ Россіи, гдѣ правительство перемѣнило естественное вещей теченіе. Просвѣщеніе послѣдовало въ ней внезапно и отъ воли одного человѣка. Къ пользѣ-ли оно послужило, или нѣтъ, о семъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ. Теперь довольно, если здѣсь показана причина отъ чего въ другихъ земляхъ науки и художества достигли до той примѣтнаго совершенства. Причина сія у насъ существовать не можетъ: ибо народъ нашъ едва сталъ чувствовать нѣкоторую еще нужду въ познаніяхъ; да и самая нужда сія не отъ собственнаго его желанія родилась въ немъ, а отъ посторонней, сообщенной ему воли. Не ученые, но земледѣльцы потребны намъ; то свидѣтельствуютъ цѣлыя впускѣ лежація поля, щещно ожидающія благошворительной руки, которая дала бы имъ жизнь и изобиліе. Но когда просвѣщеніе спало введено къ намъ, а поддерживающая оное въ другихъ земляхъ часть народа не можетъ поддерживать его; тогда должны мы ожидать дѣйствій отъ первоначальной онаго причины, которая есть правительство. Дѣйствительно, правительство ввело у насъ просвѣщеніе; правительство-же находило себя принужденнымъ и поддерживать оное: ибо безъ сего всѣ познанія и науки пришли бы у насъ въ совершенный упадокъ. Въ другихъ Государствахъ народъ потребовалъ просвѣщенія, народъ его и поддерживалъ, а правительство иногда только способствовало ему и благопріятствовало. Сіе самое было и у насъ до Петра перваго, когда просвѣщеніе было соопвѣстственно нуждамъ народа. Со времени же Петра перваго все перемѣнилось. Правительство спало главною причиною нашего просвѣщенія: но какъ народъ не ощущалъ въ немъ еще такой наспопительной нужды, какъ то вообразили себѣ, то онъ съ своей споро-

ны и не дѣлаѣ ни какихъ почти пожертвованій. Поэтому-то нѣтъ ни одного Государства, гдѣ бы сколько было казенныхъ заведеній, какъ въ Россіи, въ пользу просвѣщенія. Однако всѣ усилія правительства останутся безплодными, если главна и лучшая его подпора, что составляетъ у насъ дворянство, не будетъ въ томъ способствовать ему. Одни дворяне должны приложить усердіе къ любви Монарха, и свое содѣйствіе къ его воли. Способствованіе сіе долженствуетъ быть не сколько въ деньгахъ сколько въ похвальныхъ примѣрахъ, чтобъ усердіе болѣе являлось на самомъ дѣлѣ, нежели на словахъ. Бросать деньги отъ избытка не доказываетъ еще истинной любви къ отечеству: ибо то же сдѣлаетъ и человекъ безнравный, не знающій куда дѣвать своихъ сокровищъ, будучи пресыщенъ ими. Онъ легко опѣлѣтитъ отъ нихъ часть почти непримѣтную ему, въ угожденіе новой еще для него справки, каково есть славолубіе: испытавши всякого рода удовольствія, ему легко можетъ прийти на мысль желаніе испытать еще и сіе. Пожертвованія сіи удобны ослабить многихъ; многіе возвысятъ гласъ свой на прославленіе сихъ подвиговъ для причненія ихъ къ дѣламъ безсмертнымъ; одинъ мудрецъ взвѣшивающій всѣ жертвоприношенія на вѣсахъ истинны, разбирающій всѣ дѣянія спротивомъ разсудкомъ правды и цѣнящій всѣ вещи не по обманчивому ихъ виду, но по добротѣ и качеству ихъ, тѣмъ не ослѣпится. Онъ пожелаетъ видѣть человека, и потомъ судить о важности его дѣянія. Онъ приложитъ послѣдствія къ дѣйствію, а дѣйствіе къ причинѣ. Лучше не дѣлать никакихъ жертвъ отъ своихъ сокровищъ, чѣмъ дѣлать изъ единого тщеславія. Что въ томъ отечеству, что иной богачъ броситъ нѣсколько сотъ тысячъ, и болѣе, на мнимую онаго пользу, когда онъ собственнымъ своимъ примѣромъ не подвигнетъ ни одного гражданина на любленіе земли своей? Примѣръ же тому подають тогда, когда, сообразуясь обычаямъ своего отечества, почитаютъ все по священнымъ, что до него ни принадлежитъ. Какъ древо познается отъ плода своего, такъ и любовь къ отечеству познается отъ дѣла нашихъ: но дѣла сіи исходятъ изъ сердца, внушаются разумомъ, движутся честью, направля-

юпся челоѡколюбіемъ, сопровождаются пользою, успроются истинною и сливаются въ славу опечества.

Къ числу таковыхъ дѣлъ мы должны причислить и книгу *Разсужденіе о старолѣ и новолѣ слога Россійскаго языка*. Колико она приноситъ собою пользы языку, а слѣдственно и нашему опечеству, толико дѣлаетъ чести сочинителю ея. Дворянамъ остается послѣдовать внушеніямъ достойнаго своего гражданина. Дворянамъ предлежитъ слава показать иностранцамъ, что мы умѣли познать свои недоспаки, увидѣть свои заблужденія, побѣдить предрасудки, оставить низкое подражаніе и сравняться съ ними, когда не превыситъ еще, въ успѣхахъ словесности и другихъ познанійхъ. Дворянамъ должно стараться о испребленіи въ умахъ иностранцевъ тѣхъ невыгодныхъ о насъ мнѣній, какія составили они о малыхъ нашихъ дарованіяхъ: ибо одни дворяне тому виною; они поработили себя ихъ игу, и содѣлываясь ихъ данниками, или, паче рабами, научили ихъ попому и судить о насъ съ презрѣніемъ. *Русской згнѣтъ не дозрѣвши*, сказалъ одинъ Французской писатель. Такъ опзываются о насъ иностранцы: ибо они судили о народѣ по избраннымъ изъ нихъ. Но какимъ образомъ Русскіе могутъ уничтожить сіи невыгодныя о себѣ понятія? Однимъ прилѣжаніемъ къ своему опечественному языку, къ чему побуждаетъ насъ и сочинитель разсматриваемой мною книги, копорому я обязанъ за все то, что ни написалъ здѣсь въ пользу моего опечества.

Я обращаюсь къ однимъ дворянамъ не попому, что бы народъ и среднее состояніе почиталъ не способными къ вышшимъ познаніямъ, но что они первые могутъ по сдѣлать удобіе. Выше сего я показалъ, что не соразмѣрное пространство Имперіи въ разсужденіи малаго количества жителей, есть главною причиною, почему у насъ среднее состояніе не можетъ способствовать къ распространенію и совершенству наукъ: истинна сія очевидна. А сіе-то и причиною, почему среднее состояніе не въ состояніи награждать пруды ученыхъ, представляя сіе преимущество и славу одному дворянству, яко имѣющему къ тому способы. Но какъ поступаютъ наши дворяне? Они полагаютъ всю

свою премудрость, какъ показалъ я и выше сего, въ изученіи языка чуждаго, и въ незнаніи своего природнаго.

Когда жилъ Ломоносовъ и Сумароковъ и Меценатъ ихъ Шуваловъ, когда зараза чужезычій не такъ еще обуяла Русскіе умы, число любителей отечественной словесности было несравненно противу шеперешняго больше. Мы видѣли между первостепенными чиновниками Государства мужей отличавшихся познаніемъ языка своего и упражнявшихся съ успѣхомъ въ ономъ; мы видѣли также и любителей словесности, которые, хотя сами и ничего не писали, но вмѣняли себѣ въ нѣкоторую особенную честь ободрять и покровительствовать возникающія въ отечествѣ ихъ дарованія. Симъ людямъ обязаны мы за то, что имѣемъ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Богдановича, Поповскаго, Державина, и многихъ другихъ, украсившихъ произведеніями своего ума отечество. И сіе время было зарею нашей словесности и учености, и лучшею жатвою для книгопродавцевъ. Всѣ ожидали и восхожденія свѣтила наукъ: но появленіе въ безчисленномъ множествѣ иностранцевъ, на подобіе пучъ, мало по малу спало лишать насъ сей надежды; и наконецъ не токмо не возшло оное свѣтило, но и самая заря утратила нѣчто отъ своего прежняго сіянія. Дворяне спали опиваться отъ своего языка и прилѣжати къ чужому. Школы заведенныя иностранцами умножились до безчисленности и содѣлались гробами языка нашего. Въ нѣдрахъ семейства, въ святилищакъ Музъ, посреди отечества русскіе стали научаться быть не русскими. Но сего еще не довольно: ученіе въ чужихъ краяхъ вмѣсто ожидаемой для отечества пользы во вредъ ему обратилось. Мы можемъ указать на не малое число сочиненій, писанныхъ на чужомъ языкѣ русскими; что не можетъ не послужить, а особливо при шеперешнемъ состояніи словесности, какъ не къ совершенному оной ущербу и паденію. Внутри же отечества почтенные питомцы иностранцевъ вмѣняютъ себѣ въ особое достоинство умѣть сочинить на Французскомъ языкѣ пѣсенку и вести свои переписки на немъ-же. По тому-то сочинитель разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка весьма справедливо воспаетъ про-

пиву такого злоупотребленія и заблужденія на
счепѣ нашей словесности. „Когда сообщеніемъ
„своимъ сблизились мы, говоритъ онъ, съ ино-
„спранцами, а особливо Французами, тогда вмѣсто
„занятія отъ нихъ единыхъ токмо полезныхъ
„наукъ и художествъ, стали перенимать мѣлочныя
„ихъ обычаи, наружныя виды, пѣлесныя украшенія,
„и часъ отъ часу болѣе дѣлались совершенными
„ихъ обезвѣянами. Все то, что собственное наше,
„стало спановиться въ глазахъ нашихъ худо и
„презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣвать-
„ся, какъ ходить, какъ спать, какъ пѣть, какъ
„говорить, какъ кланяться, и даже какъ сморкать
„и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ
„себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ
„другу по Французски“ Въ другомъ мѣстѣ
онъ такъ насъ укоряетъ: „сія ненависть къ языку
„своему (а съ нимъ по не многу, постепенно, и къ
„сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отече-
„ству) уже такъ сильно вкоренилась въ насъ, что
мы видимъ множеству опцовъ и манерей радую-
„щихся и утѣшающихся, когда дѣти ихъ, не умѣя
„порядочно грамотѣ / лепечуть полрусскимъ язы-
„комъ; когда они вмѣсто зданіе говорятъ *едиписъ* :
„вмѣсто меня удивило, меня *фрализовало* и проч.“
(6). Также говоритъ онъ основательно и благора-
зумно: „народъ, который все перенимаетъ у друга-
„го, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ по-
„слѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя и пе-
„рываетъ собственное свое достоинство; онъ не
„смѣетъ быть Господиномъ, онъ рабствуетъ, онъ
„носитъ оковы его, и оковы тѣмъ крѣпчайшіе, что
„не гнушается ими, но почитаетъ ихъ своимъ
„украшеніемъ.“ Такими испиннами изобилуетъ сіе
достохвальное сочиненіе, и тѣмъ драгоцѣннѣйшее
въ глазахъ каждаго прямого Россіянина, что оно
показало иностранцамъ, что мы не всѣ и не со-
всѣмъ еще обуяли въ своихъ предразсудкахъ; и
что находясь между нами ревностные любители
отечества, которые душою и сердцемъ рачатъ о
его пользѣ и славѣ. Такъ, сіе твореніе достойно
и попому вниманія и благодарности нашей, что въ
самыхъ иностранцахъ переѣнило худое о насъ
мнѣніе, и можетъ быть научитъ ихъ сохранятьъ
къ намъ уваженіе. (7) И естли бы таковыхъ книгъ

было больше, то иностранцы судили бы тогда о насъ по нашимъ писаніямъ, а мы переспали бы судить о себѣ по ихъ мечтамъ и догадкамъ. Отсюда родилось бы въ насъ къ самимъ себѣ почтеніе; отъ почтенія возникло бы желаніе отличиться, а изъ сего воспрянуло бы соревнованіе, не частное уже, но народное. Подобное соревнованіе между Франціею и Англіею произвело какъ въ той такъ и въ другой землѣ множество людей знаменитыхъ, какъ по своимъ Государству полезнымъ гражданскимъ услугамъ или военнымъ подвигамъ, такъ и по своей отличной учености. Германцы соревнуя имъ, пожелали также отличиться на поприщѣ учености; и отъ того времени начали они оспаривать у нихъ право первенства и обратили на себя вниманіе цѣлаго свѣта: ибо успѣхи ихъ въ наукахъ и художествахъ удивили на конецъ и тѣхъ самыхъ, которые, гордяся своимъ просвѣщеніемъ, взирали на нихъ прежде съ презрѣніемъ. Французы чувствовавшіе до того времени отвращеніе къ языку цельскому ради грубости его нарѣчія, стали находить въ немъ пріятность, и увидѣли такое богатство въ составленіи словъ и рѣченій, какого Французской языкъ имѣть не можетъ.

Вопъ что должны мы заимствовать отъ иностранцевъ, и какъ они, стараются о приведеніи въ совершенство языка отечественнаго, надъ которымъ оспается намъ несравненно менѣе ихъ трудиться: ибо намъ не столько нужно выдумывать, составлять, заимствовать слова, сколько умѣть отыскивать ихъ въ тѣхъ книгахъ, которыхъ болѣе мы не читаемъ. Въ сихъ то книгахъ, отъ куда сочинитель разсмаприваемаго сочиненія, почерпнулъ свои прекрасные примѣры, зарыты слова недостающія намъ, коихъ знаменованіе начинаемъ уже для насъ заимствовать, и коихъ корни большею частію оспаются намъ неизвѣстными. Въ сихъ то книгахъ хранился и богатство нашего краснорѣчія. Мы пошому только его не видимъ, что сіи книги не того рода, къ которому иностранцы приучили насъ; слѣдственно и краснорѣчіе ихъ не по вкусу нашему, и представленія, тѣмъ краснорѣчіемъ въ нихъ описанныя, не по образу настоящаго нашего понятія. Мы желаемъ имѣть Волперовъ, д'Аламбертовъ, Бюфоновъ; или читаемъ Альзиру, Меропу,

Генріаду, Орлеанскую дѣву: то есть, мы пребуемъ отъ нашихъ сочинителей такого краснорѣчія, какое находимъ въ Альзирѣ, Меропѣ, Генріадѣ и Орлеанской дѣвѣ; или сказать вразумительнѣе и ближе къ точности нашихъ мыслей: намъ хочется, чтобъ описывали пріятно и превосходно такія вещи и представленія, какія любить мы обыкли. Это будетъ со всѣмъ иное дѣло. Такъ и говорить станемъ, что намъ не нравятся тѣ представленія и вещи, которыя описаны въ тѣхъ книгахъ, копорыхъ мы не читаемъ, копорыхъ въ дѣйствѣ нашѣмъ читая насъ не заспаляли за тѣмъ, что Французъ или Нѣмецъ воспитывалъ насъ, и потому, что наши папички и наши маминьки къ тому насъ не принуждали: ибо Французъ и Нѣмецъ и наши папички и наши маминьки не разумѣли тѣхъ книгъ, и что сверхъ того и тѣ и другія все то, что въ нихъ ни преподается намъ: почитаютъ старообрядствомъ и причудною набожностію. Для чего-же намъ смѣшивать вкусъ нашъ и представленія съ свойствомъ краснорѣчія языка нашего? Разсуждаютъ такимъ образомъ значитъ быть весьма худыми умствователями и показываютъ, что мы разсуждаютъ во все не умѣемъ, или не научились еще, со всею премудростію языка Французскаго. Дай художнику живописцу Рафаелову кисть и краски; онъ худо напишетъ картину. Но уже ли скажемъ, что кисть и краски, а не искусство его виною тому, что худой живописецъ написалъ такъ худо. Тоже самое и съ нами случается; у насъ есть и изобиліе словъ и богатство краснорѣчія, да нѣтъ довольно искусства употреблять ихъ; или лучше сказать, что собственное наше нерадѣніе тому причиною, что языкъ нашъ не великолѣпствуемъ въ полной красотѣ своей: ибо вмѣсто того, чтобъ поощрять дарованія приписаніемъ должной имъ похвалы, мы стараемся очернить и умалить ихъ, и даже осмѣять; а чрезъ то прохлаждаемъ жаръ въ тѣхъ, кои упражняются въ словесности, желая славы своему опечеству и чести согражданамъ своимъ. Симъ-то средствомъ убиваемъ мы въ опечествѣ нашемъ дарованія, копорыя могли бы произвестъ намъ Генріаду, Меропу, Клариссу, копорымъ мы же шеперь удивляемся. И такъ не на недостатокъ словъ и краснорѣчія станемъ жаловаться, а на скудость да-

рованія; но какъ цвѣты едва возникшіе увядають, когда не будутъ рачить о нихъ: такъ и дарованія погибнутъ, когда поощрятъ ихъ не спашутъ.

Перестанемъ говорить, что у насъ нѣтъ образцовъ краснорѣчія; а лучше признаемся, что мы не читаемъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ есть оно; а не читаемъ потому, что тѣ книги говорятъ намъ о умерщвленіи плоти нашей, а мы привыкли распалать ее; онѣ толкуютъ намъ о умѣренности пищи, а мы любимъ пресыщеніе; онѣ выхваляють простоту одѣянія и воздержаніе; а мы предпочитаемъ блескъ, великолѣпіе, щегольство и роскошь; онѣ учатъ насъ бережливости, а мы къ мотовству приспираспились; онѣ увѣщаютъ дѣтей быть послушными родителямъ своимъ, а дѣти желаютъ, что бы родители ихъ слушали; онѣ твердятъ отцамъ и матерямъ, что бы они были своимъ дѣтямъ примѣрами согласія, благонравія и цѣлоумдрія, а отцы и матери тяготясь быть такими примѣрами, послабляютъ своимъ дѣтямъ на шопѣ конецъ въ молодости, что бы сіи прощали имъ слабости въ ихъ старости; а сіи слабости бывають болѣе распутства и пороки, нежели на недоспадки, сопрічастныя челоѣческой природѣ: словомъ тѣ книги мудрствуютъ о добродѣтели, возносятъ духъ нашъ къ Богу, просвѣщаютъ разумъ и сердце вѣрою, назидаютъ насъ въ безсмертїи; а мы вѣдаемъ добродѣтель по одному преданїю, сумнѣваемся о Богѣ, опровергаемъ вѣру, и издѣваемся надъ безсмертїемъ; или много, много, что пребываемъ въ нерѣшимости, признавать ли намъ все то за истинну, или почестъ за одни народные предразсудки и пуспыя спрахи невѣжества? Но все сіе ничего другаго не показываетъ кромѣ того, что у насъ иной вкусъ и иной образъ понятїя, нежели какія имѣли тѣ, кои писали оныя книги: ибо они любили бесѣдовать съ Богомъ, украшались вѣрою, жили и упивались безсмертїемъ, и находили опраду въ добродѣтели. О сихъ предметахъ любили писать они, къ сему имѣли охоту и дарованія; а не будучи свѣтскими мудрецами, они все свое краснорѣчіе, всѣ свои представленія и всѣ сихъ образы и измѣненія заимствовали отъ вѣры, на служеніе которой посвящали жизнь свою. Все

сіе я привелъ здѣсь для того, чтобы показать, что мы жалуясь на скудость нашего краснорѣчія, жалуемся въ существѣ самого дѣла на то, что не тѣми изображеніями очаровывали наше воображеніе, какими съ дѣтства обыкли мы заниматься, и что не скудость языка, но разность только предсавленныхъ намъ предметовъ пому причиною; или яснѣе, что недоспашокъ на нашемъ языкѣ въ нѣкопрыхъ книгахъ, согласныхъ съ принятымъ и распространившимся у насъ вкусомъ, копорыя мы читаемъ на иностранномъ нарѣчіи, заставилъ насъ заключить ложно, что и языку нашему недоспаеетъ краснорѣчія. Но такъ судить прилично однимъ дѣтѣмъ. До Ломоносова, можетъ быть, также думали, что языкъ нашъ не удобенъ изъяснять воспорговъ Пиндара; но Ломоносовъ, черпавшій богатство своего слова опъ шуда, опъ куда и сочинитель о спаромъ и новомъ слогъ, поразилъ насъ красотою своего слова; уста его, источившіе сладость краснорѣчія, и его очи, исполненные божественнаго огня воспорговъ, и громкіе звуки лиры его, коихъ согласіе и пріятность потрясли сердца наши, увѣрили насъ, что и мы имѣемъ своего Пиндара и также неподражаемаго. До Сумарокова воображали, можетъ быть, поже, что нашъ языкъ не довольно пріятенъ для нѣжности, не довольно крапокъ и игривъ для басенъ, и не имѣетъ должной важности и силы для Мельпомены: но Сумароковъ плѣнилъ насъ своими Идиліями и Елегіями, забавилъ и наставилъ въ своихъ басняхъ и воспитилъ трагедіями. Когда же увѣрились, что на Русскомъ языкѣ можно воспламѣнять въ одахъ, плѣнять въ идиліяхъ, забавлять въ басняхъ, великолѣпствовать въ трагедіяхъ; можетъ быть, не вѣрили внутренно, что бы можно было на немъ соединить въ одномъ сочиненіи такого рода нѣжность стиховъ, что бы они въ одно время были пріятны и легки, крапки и величавы, пристойны и опчаспи не скромны, забавны и оспроумны, игривы и спройны; словомъ, что бы они говорили сердцу, плѣняли разумъ, забавляли воображеніе и услаждали слухъ нашъ: то есть, не доспавало Душиньки, не доспавало Богдановича. Подобно, можетъ быть, заключали, что не лъзя на нашемъ языкѣ шушить, забавлять, нѣжить наши чувства и въ поже время все

по одушевлять и наполнять строгими правилами
любомудрія и грозную истинну украшать цвѣтами
спихотворства: но и въ семъ еще разувѣрилъ насъ
Творецъ Фелицы. Но всѣ ли подобно Ломоносову,
могущъ имѣть Шувалова своимъ покровителемъ,
подобно Сумарокову опличную породу и случай, по-
добно Богдановичу пріобрѣсть назидателемъ своимъ
безсмертнаго по своимъ швореніямъ Хераскова, по-
добно Державину быть ободрену и ущедрену Ека-
периною? Не станемъ для того роптать на ску-
дость языка нашего: ибо кно умѣлъ имъ пользо-
ваться, для того онъ былъ всегда преизобиленъ.
Не станемъ жаловаться на недоспашокъ въ Россіи
дарованій: ибо когда находятъ и ободряютъ ихъ,
тогда и дарованія показываются.

Но сіе до селъ дѣлалось частнымъ только обра-
зомъ, а не на всѣхъ проспиралось; для перваго
случая нужно было одного Шувалова, для послѣдня-
го, что бы всѣ вельможи были ему подобны,
что бы дворяне любили языкъ свой, что бы почув-
ствовали они, что несравненно лучше, честнѣе и
похвальнѣе сыскавъ себѣ имя посредствомъ своихъ
дарованій, какъ Дмитріевъ, Карамзинъ, Долгоруковъ,
нежели прослыть въ народъ развратителями об-
щихъ установленій вѣры и порядка, и что гораздо
лестнѣе способствовать избыткомъ своихъ бо-
гатствъ къ открытію и возникенію въ молодыхъ
людяхъ дарованій, нежели раззоряться на лошадей,
собакъ и развратныхъ женщинъ. Безъ сего же
одно щастіе только будетъ поддерживать нашу
словесность, и одна любовь къ отечеству, которая
въ нѣкошорыхъ изъ Россіянъ дѣйствуетъ, не взи-
рая на всѣ препятствія и трудности, какія встрѣ-
чаютъ на каждомъ шагу упражняющіеся въ своей
словесности. Однако одно щастіе и угнетаемая
непрестанно любовь къ словесности никогда не
произведутъ того, что производится цѣлымъ со-
словіемъ.

Пусть также дворяне наши не жалуются и на
недоспашокъ учителей русскихъ. Они всегда най-
дутъ ихъ, когда сами научатся уважать ихъ.
Какой благовоспитанный человекъ захочетъ быть
учителемъ, когда онъ видитъ до какого степени
унижено у насъ сіе званіе въ лицѣ русскаго, и сколь
напротивъ того оно почтено и уважено въ особѣ

Француза? Безспорно русской не научитъ такъ скоро ни такъ легко и правильно говорить по французски, какъ природный Французъ, непрестанно съ дѣтскими болтающій на своемъ нарѣчїи: но за то Русской могъ бы показать инныя познанія, несравненно Французскаго языка полезнѣйшія. Правда и то, что Русской не далъ бы дѣламъ, можетъ быть, ловкаго пѣлодвиженія, но за то онъ укрѣпилъ бы ихъ мышцы и вліялъ бы въ нихъ полезный отеческии разумъ, и на семъ основалъ бы свое воспитаніе. Теперь-же, получившій у насъ хопя малое просвѣщеніе, и видя отъ Русскихъ дворянъ къ Русскому учению такое презрѣніе, предпочитающъ сему званію службу, гдѣ уже не дѣтскими, но ихъ опцами руководствуемъ. Почему и не удивительно, что въ Россіи большая часть Русскихъ учениковъ состоятъ изъ студентовъ самыхъ посредственныхъ способностей. Они охотно занимающа учени дѣтей за малую плату, отправляя за ту же дѣлу должность управителя, дворецкаго и прикащика, и исправляющъ также и другія разныя препорученія: ибо у насъ помѣщики не знаютъ середины; бѣдный студентъ долженъ за сто рублей быть всѣмъ и всюду; и учени дѣтей и съѣзъ людей на конюшнѣ, и сопутствованіе помѣщику въ его дорогахъ, и быть у него подъ часъ шупомъ. По истинѣ лучшихъ учителей и недостоинны имѣть наши дворяне, какъ бы въ наказаніе за то презрѣніе, какое они оказываютъ къ прямымъ дарованіямъ согражданъ своихъ: ибо имъ прїятели держатъ у себя какого нибудь побродягу Француза, нежели своего согражданина, опличающагося какъ своимъ благонавіемъ, такъ и достапочными и нужными для воспитанія дѣтей свѣденіями.

Ко всѣмъ симъ причинамъ упадка нашей словесности прибавьте еще и то, что опцы и маіери спѣшатъ записывать дѣтей своихъ въ службу въ такое время, когда имъ учиться самая только пора наступаетъ, которое время есть лучшее для ученія. Дитя въ шестнадцать лѣтъ хочетъ уже служить; а видя въ службѣ чиновниковъ также молодыхъ какъ и онъ самъ, и съ такими же ограниченными познаніями, желаетъ то же чиновъ. Но съ чинами всякой молодой человекъ получаетъ какъ бы нѣкоторое право на всѣ роды увеселенія, раз-

влекающія его мысли; а потомъ и на всѣ развраты, убивающіе его здоровье, умъ, честь и словомъ все, что драгоцѣнно истинному гражданину. Пойдутъ ли тогда на умъ полезныя упражненія, могущія со временемъ ему самому и отечеству быть полезными? Да и кто остановитъ его въ безстыдномъ поведеніи? Имѣя значущій чинъ, дающій ему всюду входъ и мѣсто, а весьма часто, что бы не сказать всегда, и преимущественно предъ людьми съ дарованіями, не имѣющими его щасія, не въ правъ ли онъ мечтать, что онъ и самъ уменъ и не имѣетъ нужды ни въ чьихъ совѣтахъ? (8) Дѣши послушными бывають тогда только, когда не вышли еще изъ подъ наказанія, а не тогда, когда являющіяся въ лучшихъ собраніяхъ съ плюмажами и съ чинами. Театры, маскарадъ, и другія общественныя увеселительныя собранія и полныя соблазновъ сборища бросаются имъ въ глаза всего прежде; туда они летятъ, тамъ ищутъ своихъ удовольствій, тамъ провождаютъ дни и ночи, ни мало не помышляя о пользѣ отечества. Да и самое имя опечеснѣва становится для нихъ столь же многознаменательно, колико есть названій земель въ мірѣ, и столь же обширно, колико пространна вселенная. Тотъ же, кто бы захотѣлъ съ рвеніемъ истинны говорить имъ объ ономъ, осмался бы на счету пустого только школьника, коего умъ и сердце пригвождены къ одному мѣсту, гдѣ онъ родился. Когда же по обстоятельствомъ они принуждены бывають ограничить смыслъ знаменованія опечеснѣва и говорить о немъ одномъ, тогда почитал себя по чину своему и по занимаемому ими мѣсту людьми Государственными, они удоспоивають защищать право земли своей; но какъ прежде они бредили полагая опечеснѣвомъ своимъ всю вселенную, такъ бредятъ потомъ, когда принуждены говорить объ одной уже пользѣ своего опечеснѣва: ибо разсужденія головы недозрѣлой всегда одинаковы: еда убо источникъ отъ единого успія источаетъ сладкое и горькое?

Показывая такимъ образомъ причины отъ чего словесность у насъ не процвѣтаетъ, весьма прилично помѣстивъ здѣсь разсужденіе одного ученаго Француза, хотя онъ жаловался не на охлажденіе въ его время Французовъ къ своей словесно-

спи, но что они переславая упражняются въ древнихъ языкахъ, спали прилѣжашъ къ своему: и поному жалобы его не могутъ быть столь-ко справедливы, сколько жалобы сочинителя книги о старомъ и новомъ слоге, жалующагося на то, что мы во все забываемъ языкъ свой.

„Воспитаніе дѣтей уже не таково нынѣ стало, каково оно прежде было, а оно надъ всею жизнію дѣйствіе имѣетъ. Въ большой части людей, болѣе или менѣе достоинства происходишъ отъ первыхъ наставленій, хорошихъ или худыхъ, которыхъ они имѣли въ младости своей. Нынѣ отцы почитаютъ, что не можно довольно скоро дѣтей опредѣлять въ школы, не въ томъ намѣреніи, чтобъ они долѣе тамъ были: но на прошивъ того, что бы скорѣе свои науки окончили, дабы ихъ употребить въ какую службу. По сему разположенію, посылаютъ въ школы дѣтей шести или семи лѣтъ, а берутъ ихъ отпудова чепыр-напцати или пятнапцати. Въ толь молодыхъ лѣтахъ память болѣе имѣетъ участія въ ихъ наукахъ, нежели разсужденіе. Они ославляютъ школы прежде утвержденія разума, прежде нежели они могли вкусить пріятства наукъ, о которыхъ старались имъ дать нѣкое знаніе; да и ославляютъ безъ возврата, поному что мы ни когда не научимся наукамъ по охотѣ, когда онѣ не могутъ быть намъ пріятны.“ — Потомъ говоритъ онъ: „богатства умножились, и умножась произвели сластолюбіе и излишнюю трату денегъ; мы учили себѣ множество нуждъ неизнаемыхъ нашимъ предкамъ, не дѣйствительныхъ, но выдуманныхъ нуждъ, которыхъ однако, сколько бы ни стоило, хотятъ удовольствовашъ, и кои и самымъ богатымъ чинятъ нѣкую нищету чувствовашъ.

„Двѣ страсти нынѣ большую часть Французовъ раздѣляютъ, а паче въ сей столицѣ, то есть, страсть пріобрѣсти богатства и издерживашъ, обѣ не имущія границы, и которыхъ часто въ единомъ человѣкѣ соединяются, и поному ясно есть, что охота къ наукамъ не можетъ съ подобными склонностями согласиться. — Надлежитъ по-сравнить, продолжаетъ онъ, нынѣшнее состояніе города Парижа съ тѣмъ, каковъ онъ былъ въ началѣ владѣнія Людовика XIII, для уразумѣнія, что

„тогда болѣе въ немъ ученыхъ людей было, неже-
 „ли нынѣ. Парижъ имѣлъ тогда меньше весело-
 „стей, построены по спаринному, не столь про-
 „спранены и не столь многонародны, въ половину
 „противу нынѣшняго, ни чего въ себѣ прельспи-
 „тельного не имѣлъ. . . . Столы простые такъ,
 „какъ они были и безъ всякихъ приправъ, мало го-
 „стей привлекали; сверхъ того каждой часной
 „человѣкъ, имѣвъ токмо весьма умеренные доходы,
 „принужденъ былъ имѣнія свои употреблять съ
 „разсмотрѣніемъ. Мало было каретъ; ибо не за-
 „долго предъ тѣмъ они были изобрѣшены: а хаживали
 „пѣшкомъ въ такихъ башмакахъ, или сапо-
 „гахъ, которые оставляли въ прихожей, когда куда
 „въ гости приходили. И я бывъ еще робенкомъ,
 „видѣлъ остатки сего древняго обыкновенія. Судьи
 „бѣживали въ приказы на мулъ, и также возвраща-
 „лись; и возвращаясь къ себѣ, не могли имѣть охо-
 „ты выѣзжать, чтобъ не загрязниться; тогда
 „входили въ свои кабинеты, гдѣ книги имъ дѣла-
 „лись товарищами. Всякой хорошо учился въ шко-
 „лѣ, для того, что въ нее уже бывъ опредѣленъ
 „при здоровомъ разсудкѣ, и въ совершенныхъ лѣ-
 „тахъ, онъ спалъ охотникъ къ словеснымъ нау-
 „камъ, и сію охоту продолжалъ цѣлую свою жизнь,
 „ради-ли чувствуемаго имъ отъ нихъ удовольствія,
 „или такъ какъ говорящъ, за неволю, что ему дѣ-
 „лать нѣчего. Сія-то древняя спорогость нравовъ
 „произвела Канцлера Опиала, Президента Туана,
 „Бриссона, Морвиліара, Паскьера, Лоазеля, двухъ
 „главныхъ братьевъ господъ Пинюановъ, и великое
 „число другихъ ученыхъ людей; ибо въ доказатель-
 „ство сему надлежитъ токмо прочесть стихо-
 „творческія сочиненія Канцлера Опиала, дабы увѣ-
 „ришься, что Парламентъ былъ тогда наполненъ
 „весьма учеными судьями. Сіе время уже прошло;
 „причина тому, что нынѣ въ Парижѣ много есть
 „случаевъ, которые отъ уединенія и отъ наукъ
 „отлучаютъ. Едва молодой человѣкъ достигаетъ
 „до осмнадцати, или до двадцати лѣтъ, то опре-
 „дѣляютъ его въ какой чинъ, и даютъ ему еки-
 „пажъ. Какъ возможно надѣяться, чтобъ онъ, сею
 „легостію всюду бѣдить, могъ сопротивляться охо-
 „тѣ къ бесѣдамъ и къ гулянію? „

„Не можно изобразить, колико единая музыка,
 „которой вкусъ поль нынѣ разпростерся, и сіе пре-
 „лестное позорище именуемое Опера, вреда приклю-
 „чили наукамъ. Единое и другое обраптили разумъ
 „къ тщетности, и со всѣмъ опѣ поспоянныхъ и
 „прямо хорошихъ вещей охоту опіяли. *Malagum
 „gerum industria inuasit animos*, говорилъ Сенека; *can-
 „tandi sal tandique nunc obscena studia effeminatos te-
 „nent*. Но тщетно онѣ говорилъ; ибо не могъ по-
 „правитъ свой вѣкъ, и вопѣ описаніе Риму, кото-
 „рое чинилъ Амміанъ Маркеллинъ болѣе дву столѣ-
 „тій послѣ. Малое число домовъ, въ коихъ еще
 „къ наукамъ прилѣжаніе, учинились позорищами
 „праздноссти и безумныхъ веселій, кои ея послѣду-
 „ютъ. Лишь токмо нынѣ слышимъ гласъ воспѣ-
 „вающихъ и музыкальныхъ инструментовъ; вмѣсто
 „философа или рипора хотятъ имѣть комедіанта,
 „музыканта, или танцовщика. Библіотеки же суть
 „такъ, какъ гробы, заперты; уже не говорятъ о
 „книгахъ, но о флейсахъ, лирахъ, и о всякихъ му-
 „зыкальныхъ инструментахъ; и однимъ словомъ, о
 „всѣхъ приуготовленіяхъ игрища, или комедіи
 „(9)., (*)

Убѣждаясь истинною сего разсужденія, я не
 могъ не помѣстить здѣсь онаго пѣмъ болѣе, что
 пѣже мысли возбуждали меня, пѣже чувствованія
 наставляли мое сердце. Я не желалъ чужаго вы-
 дасть за свое; а разсудилъ помѣстить лучше такъ,
 какъ оно есть въ подлинникъ, безъ всякой даже пе-
 ремѣны. При томъ сіе разсужденіе весьма у-
 мѣста при разбирательствѣ причинъ, опѣ чего не
 процвѣтаетъ у насъ словесность; ибо сверхъ об-
 стоятельствъ, о коихъ сочинитель сей упоминаетъ,
 мы со стыдомъ должны признасться, что умножа-
 емъ оныя сугубо, когда презираемъ ученіе языка
 своего. — Французы при всемъ своемъ развращеніи
 въ нравахъ, не переспавали приводить въ совер-
 шенство языкъ свой. Мы же неспарая ни мало
 обогащаемъ своей словесности, погружаемся болѣе и
 болѣе въ пороки. Что-же изъ насъ будетъ? Греція
 и Римъ пали; но любомудріе, во образъ нѣкоего бо-

(*) См. сочиненіе и переводы къ пользѣ и увеселенію слу-
 жація. Іюль 1760, стр. 81.

жестка, бесѣдуетъ еще на ихъ развалинахъ, и привлекаетъ спирашниковъ къ созерцанію оныхъ. Благотвореніе вселяется въ душу посѣщающихъ мѣстаси, спавшія полико знаменитыми по подвигамъ древнихъ ихъ жителей, и преклоняющія на состраданіе къ настоящему поколѣнію, спонающему въ рабствѣ подъ желѣзнымъ жезломъ невѣжества и тиранства. Франція и другія Царства заслужили также предъ потомствомъ и человечествомъ: что же мы о себѣ скажемъ? Какое мѣсто опредѣлитъ намъ потомство между другими народами? Какія похвалы припишетъ намъ поколѣніе наше? Какими дѣлами подвигнемъ мы сыновъ нашихъ на благодарность? Предки наши покрылись лаврами славы и поддержали знаменитость имени своего мужествомъ и благоразуміемъ: самыя бѣдствія, въ которыя рокъ ввергалъ ихъ, послужили къ усугубленію сіянія ихъ дѣяній, къ новому украшенію ихъ жизни, къ вѣщему удивленію и къ большей благодарности вѣковъ послѣдующихъ. Какъ солнце, на время сокрытое тучами, съ новымъ велелѣпіемъ является міру, и лучи его сугубо, кажется, проливаютъ на все твореніе жизнь, сообщаютъ всему силу и крѣпость, питаютъ числѣйшими соками и всюду проспираютъ тайную нѣкую радость, какъ бы въ награду за то, что тучи удержали на время благотворное ихъ дѣйствіе: такъ предки наши совершили высокое свое дѣло. Не взирая на всѣ напасти и бѣдствія, въ какія ввергали ихъ непріязненные имъ державы, они со славою побѣдили ихъ силы, разрушили ихъ злые замыслы, распоргли тайныя ихъ ковы, и освободя свое опечесство отъ непримиримыхъ враговъ своихъ, утвердили его на незыблемомъ основаніи Вѣры и Закона, обогатили своими добродѣтелями и украсили подвигами. Даруя тишину и спокойствіе, мнилъся мнѣ, они вѣщали намъ. „Потомки! кромѣ однихъ бѣдствій и гореспей, съ рабствомъ и неволею отъ опцовъ нашихъ въ наслѣдство къ намъ перешедшихъ, мы ничего болѣе не спяжали. Нѣкогда было намъ, помышлять о той славі, которою въ самыя опдаленныя времена древности гремѣли предки нашихъ предковъ, когда Бояны рокопали на звуčnýchъ и согласныхъ лирахъ своихъ знаменитыя дѣянія между ими болѣе отличившихся воевѣ;

„едва преданіемъ нѣчто намъ сохранилось о сей ихъ
 „знаменипости. Съ превращеніемъ людскаго жре-
 „бія, все у насъ было опіяно. Время потребило
 „все то, чемъ слово и любомудріе нѣкогда награж-
 „дали прародителей нашихъ, подъ именемъ Славянъ
 „всему кругу земному извѣстныхъ. Руки наши, ме-
 „нѣе уже искусныя, не въ златныя струны Лиръ
 „ударяли, но укрѣплены въ палицѣ и ме-
 „шани лука и въ обращеніи и употребленіи меча:
 „первымъ изощряя наши взоры научались безошибочно
 „достигать враговъ нашихъ, хотя бы они и въ
 „опустошеніи находились; другимъ умѣли мы наказы-
 „вать ихъ дерзость, когда опваживались они въ
 „близости измѣрять съ нами свои силы. Спасеніе
 „нашего Опечества свидѣтельствуемъ о сей ис-
 „тинѣ; и вы сами видите, что мы не остави-
 „ли Вамъ ничего такого, за что могли бы Вы уко-
 „рять нашу память. И мы надѣемся, что вы не
 „будете къ намъ только неблагодарны, чтобы
 „приписали цѣлому народу тѣ бѣдствія, которыя
 „поспигли насъ отъ неразумія, буйства и власто-
 „любія частныхъ правителей. Стыдъ ихъ мы омы-
 „ли нашею кровію. Вы не можете спустить ни од-
 „ного шагу безъ того, чтобы та земля не была
 „обогрета ею и не скрывала праха сокрушенныхъ
 „костей нашихъ. Словомъ, мы тщились дѣйстви-
 „тельно такъ, чтобы вы не стыдились именоваться
 „Славянами, и не только не унижались, но паче
 „гордились вашими предками. Но сія воинская сла-
 „ва дорого намъ стоитъ. Не подъ знаменами Бога брани-
 „мъ, не подъ его знаменами Музы, не подъ его знаменами
 „успокоенія, не въ обнаженномъ по-
 „лѣ ликовствуемъ, не среди шиповъ общихъ
 „бѣдствій возвращаемъ плоды наукъ. Такъ, переда-
 „вая славу оружія нашихъ предковъ, мы не могли
 „вмѣстѣ съ нею передать вамъ и драгоценныхъ
 „ихъ познаний, временемъ, домашними раздорами и
 „нашими врагами въ концѣ почти испребланныхъ.
 „Однѣ догадки и сумнѣнія мы вамъ оставили о
 „томъ, что было единою нѣкогда истинною. Ино-
 „племенные люди называютъ насъ варварами, но
 „наши добродѣтели, которыя спасли отъ ихъ хищ-
 „ныхъ рукъ опечество наше, убѣждаютъ васъ, что
 „такое о насъ мнѣніе внушаетъ имъ паче соб-
 „ственнаго ихъ невѣжество и гордость, нежели

„сущность самого дѣла. Спросите у самыхъ Музъ,
 „онѣ-ли токмо соспавляющѣ просвѣщеніе народа,
 „или сего добродѣтели, кои воспѣвають онѣ вмѣня-
 „ютъ себѣ въ славу? И опрѣшѣ ихъ посрамитѣ
 „сіе ложное о насъ заключеніе. Не успѣли мы на-
 „сладиться плодами побѣдъ нашихъ, не успѣли
 „пожить въ тишинѣ и вкусить спокойствіе. Сіе
 „мы вамъ предоспавили; вамъ оспается оправдать
 „дѣла наши и показатъ свѣту, что по-
 „помки Славянъ умѣютъ быть и наперстниками
 „Марса и любимцами Музъ; рапоборствовать и
 „украшаться познаніями. Не оспавивъ вамъ въ на-
 „сладство наукъ, мы оспавили языкъ, колико бога-
 „тый, сильный, толико пріятный и согласный;
 „языкъ, который по удобности выражаетъ са-
 „мыя опвлеченныя понятія, свидѣтельствуетъ
 „тѣмъ, что онѣ не есть произведѣніе токмо не-
 „вѣжества, но дѣло народа нѣкогда своимъ просвѣ-
 „щеніемъ славившагося. И се! есть лучшій памят-
 „никъ нашихъ бытописаній, памятникъ крепчае
 „мрамора и мѣди. Иноплеменные, называющіе насъ
 „варварами, сугубо достойны сами такими имено-
 „ваться: ибо видя Нильскіе пирамиды, они умспву-
 „ютъ о просвѣщеній жителѣй Египта, а не обрѣ-
 „тая на поляхъ нашихъ равныхъ сооруженій, заключа-
 „ютъ изъ того о нашемъ невѣжествѣ. Но сихъ ли до-
 „казательствъ пребуемъ и ищемъ умъ просвѣ-
 „щенный, и потому-ли только мы предъ ними ви-
 „новны, что они не разумѣли читать нашего па-
 „мятника, въ языкъ сохранившагося? Ибо въ со-
 „вершенствѣ пребывающій языкъ и хладные камни
 „толико между собою разнѣтся, колико умъ прево-
 „сходитъ вещи неодушевленныя. Сей языкъ об-
 „рашите въ дѣло, и покажите, что вы Славяне и
 „по славѣ оружія и по славѣ многообильнаго слова.“ (10)

Такъ, мечтаю я, вѣщали-бы предки наши, ког-
 да бы они просперли къ намъ свое слово. Но есть-
 ли они молчали словомъ, то вѣдѣли дѣлами;
 и доказали, что народъ освобождающійся
 самъ собою отъ бѣдства, есть добродѣтеленъ;
 а добродѣтель не можетъ назваться невѣжествомъ;
 и тотъ, кто его варварскимъ называетъ, самъ на
 себя свидѣтельствуетъ, что онъ въ заблужденіи, а за-
 блужденіе есть уже признакъ невѣжества. Такъ дол-
 женъ разсуждать всякой Россіянинъ, а не прини-

мать постыднымъ образомъ предразсудковъ чуждыхъ народовъ. Такъ училъ насъ разсуждать и сочинитель книги разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ. Послѣдуя ему, я сопровождался на пути сихъ разысканій съ какимъ-то тайнымъ утѣшеніемъ, какое любовь къ отечеству даруетъ испымъ сынамъ его. Внутреннее убѣжденіе утверждало меня болѣе и болѣе въ справедливости его разсужденій; и если бы сначала я былъ и противнаго съ нимъ мнѣнія, то послѣдствіе всѣхъ сихъ мыслей и чувствованій, возрождавшихся во мнѣ попеременно, когда писалъ сіе, наконецъ примирили бы меня съ нимъ. Не оправдывать я хотѣлъ книгу его; ибо началъ оправданіе тамъ, гдѣ истина ясна сама собою. Я желалъ только увѣрился, въ чемъ укоряли его противники; и читая ихъ всѣхъ, примѣчалъ и за движеніемъ моего сердца и за внушеніями разума. Первое, обращая меня къ любви отечества и ко всему тому, что въ ономъ есть для насъ драгоценнаго, научало любить его; а со вторымъ переходя отъ одного умствованія къ другому, и видя всю швердосць и вѣрносць заключеній сочинителя о слогѣ, привыкалъ вѣрить ему и тамъ, гдѣ по принятымъ мною прежде предубѣжденіямъ, могъ бы съ нимъ, быть и не одинакаго мнѣнія. Но то и другое вмѣстѣ заставляетъ меня при изслѣдованіи началъ, коими онъ самъ руководствовался, уважить его просвѣщеніе и почтишь долготѣшныя труды, въ пользу отечества имъ понесенныя.

Войдя съ разсмотрѣніемъ, нужнымъ для столь важнаго предлога, въ причины, побудившія Сочинителя книги о старомъ и новомъ слогѣ возстать на чинимое новѣйшими писателями злоупотребленіе въ отечественномъ языкѣ, поступимъ теперь съ тѣмъ же свѣпильникомъ науки раздробленія и при разсмотрѣніи самаго языка нашего. Перейдемъ отъ причинъ къ дѣйствіямъ, и научимся всюду починать единую шокмо истинну, и въ ней любить славу своего отечества; и наконецъ увѣримся, что любви къ отечеству безъ любленія языка своего также не можно существовать, какъ и дыму безъ огня. (11)

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1). О языкѣ отечественномъ говорятъ намъ въ дѣтствѣ нашемъ весьма невыгодно; ребенокъ разсуждаетъ самъ не можетъ, а иностранцы, а за ними и нѣкоторые безразсудные Русскіе, пользуясь симъ временемъ, поoliko благопріятствующемъ ихъ намѣреніямъ, внушаютъ ему свои мнѣнія: но всякой ребенокъ имѣетъ свое умословіе, всегда вѣрное, когда хотятъ вести его къ истинѣ, и всегда опасное, когда употребляютъ оное орудіемъ къ заблужденіямъ. Ребенокъ разсуждаетъ весьма справедливо о тѣхъ вещахъ, о которыхъ скажутъ ему со всею точностію, ясностію и простотою, и всегда почти умѣетъ выбрать лучшее; перѣдко выборъ его бываетъ еще вѣрнѣе нежели людей взрослыхъ, которымъ предразсудки мѣшаютъ хорошо видѣть вещи: сіе не противурѣчитъ однако выше сказанному, что ребенокъ разсуждаетъ самъ не можетъ. Разшолкуйте ему только просто и ясно то, о чемъ говоритъ хотите, то есть, вложите въ него на томъ разѣ свой разумъ, и онъ будетъ умѣть предпочесть полезное пустому: ибо не имѣетъ еще предразсудковъ, которые людямъ, часно весьма умнымъ, не даютъ иногда полной свободы разсуждать о всемъ здраво. Сею-то способностію ихъ и не опытностію пользуются иностранцы. Сперва научаютъ они дѣтей говорить языкомъ своимъ; потомъ показываютъ имъ множество на немъ превосходныхъ книгъ, плѣняютъ ихъ воображеніе: ибо дѣтямъ сродно плѣняться пріятнымъ; услаждаютъ слухъ ихъ согласіемъ языка великихъ своихъ писателей; ибо дѣтямъ приспойно любить всякое сладкозвучіе и стройность; направляютъ сердца ихъ чтить имена оплитныхъ сочинителей; ибо дѣтямъ свойственно уважать все превосходное; наконецъ побѣждаютъ ихъ разумъ силою всего прекраснаго, всего изящнаго, что есть въ ихъ словесности: ибо дѣтямъ прилично тому легко покаряться, что приводитъ ихъ въ восхищеніе. Такъ обворожаютъ они сердца и умы ихъ. Послѣ сего то показываютъ имъ природной языкъ ихъ, внушаютъ, что онъ бѣденъ хорошими книгами, скуденъ въ знаменитыхъ писателяхъ, недостаточенъ въ правилахъ опредѣленныхъ, робокъ въ словахъ и въ

раженіяхъ, при всемъ своемъ богатствѣ. Робенокъ разсуждаетъ самъ! не можетъ, ибо чѣмъбы разсуждаетъ о чемъ, то нужно имѣть о томъ и понятіе, понятія же не токмо о языкѣ, но и о чемъ бы то ни было вдругъ не даются; ихъ приобрѣтають ученіемъ; а дѣти у насъ учатся напередъ языку иностранному, а не своему; слѣдственно имѣя уже о иностранномъ языкѣ хорошее понятіе, а о своемъ вовсе никакого, они судятъ благопріятнѣе о первомъ, нежели о своемъ. Къ сему прибавьте и побѣжденные уже трудности перваго, а послѣдняго, то есть, своего природнаго, вновь наступающаго; всякое же затрудненіе не токмо дѣтей, но и взрослыхъ отвращаетъ, а особливо когда уже побѣждены нѣкоторые; тогда желаютъ отдохнуть и наслаждаться; и такимъ образомъ ставятъ лѣнивыя побѣждаютъ трудности, не лѣности уже своей то приписываютъ, когда не успѣваютъ въ языкѣ, но самому языку. Иностранцы поддерживаютъ въ насъ сіе мнѣніе. Но дѣтямъ прилично сшибаться: ибо они судятъ по наружнымъ видамъ; а всѣ наружные виды въ пользу языковъ иностранныхъ, и въ семъ ихъ не обвиняетъ, но оправдать должно: одни родители ихъ достойны за сіе укоризны. Чѣмъбы судить о томъ, отъ чего языки иностранные такъ обильны превосходными писаніями и сочинителями, и отъ чего напропивъ того языкъ Русской какъ въ томъ такъ и въ другомъ недостаточенъ, то для сего нужно знать исторію, обстоятельство, случаи и происшествія народныя; восходить къ причинамъ, шествовать за приключеніями и переходить отъ одного времени къ другому. Все сіе не есть дѣло дѣтей; да имъ сего и внушить не хотятъ и не стараются. Надлежало бы ихъ съ начала учить языку Русскому, побѣдить напередъ его трудности, заставить полюбить его, и сравнивая съ цвѣтущими иностранными языками, представить сихъ прелести, превосходныя на нихъ сочиненія, богатство мыслей и открытій, и знаменитость писателей; указать потомъ на первоначальную тѣхъ языковъ грубость и жестокость; дать примѣнить степени, по коимъ они возвышались, изчислить главныя причины содѣйствовавшія къ ихъ блеску и славѣ, и въ то же время раскрыть исторію и своего языка. Все сіе окончивъ, долгъ бы

наспавниковъ былъ воспламенить дѣшей тою-же ревностію, разжечь сердца ихъ шѣмъ-же желаніемъ, возбудить ихъ умы тою-же пользою, убѣдить ихъ разумъ тою-же любовію къ отечеству, какою двигались, поощрялись и дѣйствовали иноспранные народы, и сими способами вселить въ нихъ достойное и похвальное соревнованіе, чѣобы они также о томъ помышляли, и въ семъ единомъ полагали свою гордость. Такъ только можно сдѣлать, чѣобы языкъ нашъ пришелъ въ совершенство, и чѣобы иноспранцы захопѣли учитьсѣ ему; а не такимъ постыднымъ разсужденіемъ, какое теперь о немъ мы соснаваемъ. И есѣли иноспранцы могли пѣвннть своими языками, то чего бы нельзя было сдѣлать изъ нашего? Русскіе научитесь лучше разсужданъ о самихъ себѣ, научитесь уважанъ самихъ себя, и вы уважитѣ языкъ свой, съ уваженіемъ къ нему, станете разсужданъ о немъ, а разсужденія покажутъ вамъ такія въ немъ сокровища, которыхъ прежде вы не могли видѣть по своей слѣпотѣ и предразсудкамъ! —

(2). Какъ нѣкоторые иноспранцы заслуживаютъ отъ насъ всякое презрѣніе, такъ сіи напротивъ того достойны всякаго почтенія и уваженія: ибо, живя въ Россіи, они не токмо не стараются развращанъ умовъ нашихъ, но дѣлаются еще достойными подражанія. Для таковыхъ госпнепріимство должно бытъ свято соблюдаемо: но ихъ весьма меньшее число въ разсужденіи другихъ. Ими должно пристыжать и самыхъ Русскихъ, и ихъ наипаче оплачивать и награждать надлежало-бы. Съ величайшею пріятностію и благодарностію я наименую здѣсь шѣхъ изъ нихъ, которыхъ удалось мнѣ узнать въ теченіе семнадцати лѣтъ. Г. Геймъ, Ронже, коихъ имѣлъ я щастіе бытъ ученикомъ. Оба они прилѣжали къ Русскому языку съ успѣхомъ. Г. Ронже учился ему не намѣренъ будучи осѣлаться въ Россіи, и былъ силенъ въ немъ. Геймъ показалъ уже Россіи koliko трудовъ приложилъ онъ для пользы нашей словесности и распространенія языка нашего, и какія обширныя познанія онъ пріобрѣлъ въ немъ. Пусть отечество на равныхъ симъ иноспранцевъ щедро распочаетъ дары свои; никто изъ Россіянъ не токмо не позавидуетъ тому, но еще съ ошверстыми обѣянтіями

полепшѣмъ обняшъ ихъ. Здѣсь отдаю я съ удовольствіемъ справедливостъ Г-ну Вернету весьма успѣвшему въ Русскомъ языкѣ: Г-нъ Триполи также принадлежишъ къ тому малому числу иностранцевъ, кои имѣюшъ все право на любовь и уваженіе Русскихъ.

(3. Прежде нежели Фарсальское сраженіе рѣшило участь Римлянъ, и жребій двухъ величайшихъ между ими полководцевъ, каковы были Помпей и Кесарь, Афины приняли сторону перваго, и встрѣчая его, польстили ему искусно въ сихъ словахъ: *Ты потому болѣе подобенъ Божеству, что признашъ себя человѣкомъ.* Торжествующій Кесарь, вступивши потомъ въ Афины съ вооруженною рукою, могъ бы опмспитъ за сіе Афинамъ, къ чему и преклоняли его ласкатели, но онъ за лучшее призналъ даровать имъ пощаду, и произнесъ сіи достопамятныя слова. *Афиняне достойны наказанія, но я ради мертвыхъ прощаю живыхъ.*

(4). Я говорю опчасти: ибо Нѣмцы не вовсе еще освободились отъ сихъ упрековъ, что доказывается собственнымъ сознаниемъ ихъ писателей. Вотъ что говоришъ Швабъ о своей словесности. "Настоящій нашъ вкусъ не совсѣмъ еще утвердился: самое глупое и нелѣпое сочиненіе не остается безъ того, чтобы оно не было восхвалено въ тысячѣ и одномъ изъ нашихъ журналовъ. Хорошее наравнѣ съ посредственнымъ охуждается; и сумнительно, чтобы Виландъ, какъ стихотворецъ, получилъ отъ согражданъ своихъ дань должной ему признательности, естли бы онъ началъ съ Оберона, и не выступилъ на позорище увѣнчанный давно уже лаврами. Склонность сія ко всему странному; сіе безуміе хотѣшъ казаться необыкновенными (которое также имѣешъ, можетъ быть, причину свою въ заблужденіи желашъ выдавать себя не тѣмъ, чѣмъ мы есмъ въ самомъ дѣлѣ); сіе безуміе, говорю я, совершенно погубило прекрасную нашу словесность. Не хотяшъ болѣе нравиться, но удивляшъ какою либо нечаянностію, къ чему напрягаюшъ всѣ свои усилія, походящія болѣе на судороги. Что же изъ того рождается? ... Чудовище. Правда и то, что муча себя такимъ образомъ для произведенія чего нибудь новаго и небывалаго, можно кой-гдѣ блеснуть превосходствомъ; но чего оно стоишъ за то читателю! какого терпѣнія! какое должно преодолѣть

ему отвращеніе. Генрихъ IV говаривалъ объ аспрологахъ. "Они будутъ до тѣхъ поръ лгать, пока скажутъ правду." Тоже сказано можно и о нѣкоторыхъ нашихъ писателяхъ." Они наговоряютъ столько чепухи, что наконецъ и подлинно скажутъ что нибудь превосходное.

5. Я здѣсь доказываю только главные и общія причины и начала просвѣщенія, а не вхожу въ подробности онаго, и тѣ сокровенныя и едва примѣтныя пружины, которыя, сверхъ приведенныхъ мною главныхъ причинъ, могли бы способствовать оному: ибо такое разсужденіе составило бы особую книгу. Я предоспаваю также каждому писателю на волю соглашаться со мною, или нѣтъ: не споря ни съ кѣмъ, я ссылаюсь на всѣ вѣки, и на всѣ тѣ Государства, гдѣ только науки и художества процвѣтали. Я не опредѣляю здѣсь и постепенности сего просвѣщенія, которое какъ при своемъ рожденіи бываетъ слабо, такъ по среди поприща своего величественно и прочно, и при вящемъ разширеніи пагубно. Сіи при переменѣ просвѣщенія могутъ опредѣлить и числоту или развращеніе нравовъ въ народѣ: ибо науки держатся роскошью, слѣдственно и всѣ бываемыя въ нихъ переменны ею же производятся. Роскошь же можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Начало ея, довольство; послѣдствіе избыточество; а конецъ богатство. Первое рождаетъ науки; второе питаетъ ихъ, а третіе губитъ. Первое дѣлаетъ насъ умѣренными, второе щастливыми, а третіе прихотливыми, и слѣдственно злополучными. Гдѣ довольство и умѣренность тамъ пріятны науки и пверды нравы; гдѣ избытокъ и щастіе, тамъ и науки полезны и нравы утѣшительны; но гдѣ богатства и прихоти, науки тамъ вредны и гибнутъ нравы. Почему и неудивительно, что тѣ Государства близки къ своему паденію, гдѣ послѣдняя переменна въ нравахъ, наукахъ и роскоши примѣчается.

6. Отцы наши воспитать уже насъ желали какъ нибудь, только чтобы не по Русски, и чтобы чрезъ воспитаніе наше мы не походили на Россіянъ. Въ ихъ вѣкѣ просвѣщеніе, дошедшее къ намъ отъ Французовъ, казалось имъ такъ изобильно водворилось въ отечество наше, что знаменитый одинъ господинъ въ тысячу семь сотъ пятьдесятъ не

помню которомъ-то году, съ восторгомъ говоря прѣбывавшему вновь сюда, доказывалъ ему, о просвѣщеніи тогдашнемъ, тѣмъ что завелись уже въ Россіи *Mais l'andee de modes*. Французскіе обѣйщики, швейцары, и наконецъ, о дивное дѣло! что установлена и лопшерея; хотѣя барышъ съ оной получаемый не въ помощъ бѣдныхъ, больныхъ или преснарьблыхъ употреблемъ былъ. Тогда танцмейстеры, Французскіе учители, или мадамы по ихъ мнѣнію все воспитаніе совершали; хотѣя съ улицъ Парижскихъ безъ пропитанія шапаяющіяся, или отъ заслуженнаго въ опечесствѣ своемъ наказанія укрывающіяся оными воспитанельницами по большой части бывали.

Не рѣдко случалось слышать, особливо въ За-москворѣцкихъ сѣбздахъ или бесѣдахъ, какъ то на родинахъ, именинахъ или креспинахъ: что ты ма-пушка своей мамзели даешь? — Дарага праклятая дарага! да что дѣлаешь; хочешь воспитать дѣтей своихъ благородно: сто восьмидесятъ рублей деньгами, да сахару по пяти и чаю по одному фунту на мѣсяцъ ей даю. — И мапушка! я такъ своей больше плачу: двѣсти пятидесятъ рублей на годъ, да домашнихъ всякихъ припасовъ даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моему кружево мое, и чепчики мои шьетъ; да и Танюшу выучила чепчики дѣлаешь. Нынѣче мапушка ужъ и за мужъ дочери не выдашь, коли по Французски она говоритъ не умѣетъ; а поспричь не лъзя же. Какъ бытъ! да я и сама таки люблю Французское благородство, и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ не ударитъ. — Учителями же бывали не только Парижскіе лакеи, но и таковыя, которые уже и въ Россіи ливрею носили.

Воспитаніе сіе не только не полезнымъ, но и вреднымъ назваться можетъ: ибо лучше бы было Танюшѣ не умѣть чепчиковъ шить, кружева мыть и по Французски болтать, да не имѣть и тѣхъ гнусныхъ въ головѣ и сердцѣ чувствованій, кои подлая и часто развратная Французская дѣвка ей впечатлѣваетъ. Она бы могла бытъ лучшею женою, матерью и госпожею, естли бы, не зная худо чужаго языка, природному своему языку выучена была, и естли бы она имѣла любовь къ опечесству вмѣсто пренебреженія, кое мамзелюшки къ оному

дѣтямъ въперлютъ; почтеніе къ родителямъ; любовь къ порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, вѣтренность и небреженіе въ себѣ показывала: тогда бы можно было заключить, что родители ея правильнѣе о словѣ воспитаніе понимали, нежели Танюшино поведеніе подаетъ поводъ думать.

Воспитаніе, которое мы дѣтямъ своимъ даемъ, еще болѣе разнѣсвуется съ воспитаніемъ, кое прапрадѣды дѣдамъ нашимъ давали. Мы еще болѣе удалились отъ справедливаго смысла, заключающагося въ словѣ воспитаніе, прибавя къ разврату, которой учили и мадамы въ сердца дѣтей нашихъ сѣютъ, развратъ, которому предаются дѣти наши, путешествуя безъ инаго намѣренія, о кромѣ веселія, безразсудка, безъ нужнаго примѣчанія, и погружая себя въ Парижъ или въ Страсбургъ только въ праздность, роскошь и пороки, съ истощеннымъ тѣломъ, съ истощеннымъ смысломъ и кошелькомъ домой безпоправочно возвращаются. А какъ пребываніе въ Парижѣ по ихъ мнѣнію имъ даетъ поверхность надъ тѣми, кои въ немъ не были, и какъ при томъ число не бывшихъ въ Парижѣ почти можно считать какъ 1 противу 1000; то помѣръ сей пропорціи и высокомерятся, во всякомъ случаѣ оплечаются такою надмѣнностью; что и въ собраніяхъ, для коихъ они только себя и прочили, несносными себя дѣлаютъ. Не въ полѣ, не въ совѣтѣ или служеніи опечесству они себя оплечили и посвятили хопяи: танцы, клавикорты или скрипка, разговоры о театрахъ, и дѣйствующимъ на оныхъ: вопѣ благородное и проспанное поле, которое наши дѣти выбрали, и на коемъ оплечиться желаютъ. Наглость и надмѣнность, обыкновенные спутники незнанія, и въ обществѣхъ быть вождѣливыми имъ препятствуютъ; ибо они такъ надѣдаются, перебивая у всѣхъ рѣчь, говоря о всемъ рѣшительнымъ образомъ, пренебрегая все то, что здѣсь видятъ, а рѣшенія свои выше всякой апелляціи считая, для того, что они были въ Парижѣ, по чему обнаживъ на концѣ свою вѣтренность и ничтожество, переспаютъ скоро быть зваными или желаемыми и въ самыхъ тѣхъ собраніяхъ, гдѣ кажется другаго намѣренія нѣту, какъ только время проводить; или лучше

сказать поперять оное. Дочери наши стараются мотовствомъ своимъ прославиться. *Petite santé* и *Vareurs*, есть щипъ и шлемъ, коими они защищаются, или подъ коимъ укрываются, когда имъ родители или разсудительной мужъ представлятъ спануть что либо вопреки того, что онъ думаетъ Французская *Manière de vivre* узаконяетъ. Романы читаютъ, на Клавикордахъ и Арфъ бренчаютъ есть главное ихъ упражненіе. Родители хорошихъ правилъ дѣтямъ своимъ не вперяютъ, къ размышленію ихъ не приучаютъ; чему же дивиться, когда такъ мало браковъ совершаются, или что совершившіеся скоро разрываются. Основательно мыслящій молодой человекъ для того женится опасается, чтобъ съ женою онъ не получилъ и долговъ, на оплату коихъ имѣнія его недостаточно быть можетъ; легкомысленный Парижскій Россіянинъ не женится для того, что *c'est du bon ton* быть холостымъ, и для того, что не хочетъ умножить трудностей, коими онъ уже обременяется, увертываясь и обманывая своихъ кредиторовъ. И наконецъ для того, чтобъ не перять на воспитаніе дѣтей и домоспринимательство своего времени, которое онъ на театральныя дѣйствія употребляетъ; онаго бы недоставало ему для ученія роли, кои онъ въ комедіи или драмѣ съ такою славою и съ собственнымъ удовольствіемъ представляетъ, еслибъ онъ должность мужа женаго на себя предпринялъ. (о смыслѣ слова воспитанія, см. Собсѣд. любит. Россійскаго слова. Частъ II 1783 стр. 14).

7. Въ одномъ ученомъ иностранномъ журналѣ сказано о книгѣ Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. Хотя сія книга не содержитъ въ себѣ полнаго риторическаго курса, однакожъ она достойна занимать почетное между классическими сочиненіями мѣсто. Скромность понудила сочинителя умолчать о своемъ имени, но благодарность соотечественниковъ его пребудетъ, чтобъ оное было извѣстно. Г-нъ Вице-Адмиралъ Шишковъ есть творецъ сея книги. Онъ соболюбзуетъ о нынѣшнемъ состояніи Россійской словесности, и доказываетъ, что хотя новѣйшіе писатели и говорятъ о себѣ, якобы они прилагаютъ попеченіе о приведеніи языка своего въ совершенство, но въ са-

момъ дѣлѣ паче о всеконечномъ разрушеніи его пекушся, вводя въ него чужезычныя выраженія, и спараясь словамъ новыя давати знаменованія. Злоупотребленіе сіе происходитъ отъ привычки къ единственному чтенію иностранныхъ писателей, и отъ пренебреженія или лучше сказать отъ совершеннаго незнанія драгоценныхъ сокровищъ и преисполненныхъ краснорѣчія сильныхъ мѣстъ, находящихся въ собственномъ ихъ языкѣ, и могущихъ служити примѣрами благороднаго слога. Таковы суть всѣ книги переведенныя съ Греческаго на Славянскій языкъ, нынѣшняго Россійскаго корень и источникъ, изъ котораго сіи переводчики, большою частію Епископы, монахи и священники почерпали поутъ духъ и силу, какая въ переводахъ ихъ существуетъ, и которую они изъ превосходныхъ примѣровъ заимствовали. Достойно примѣчаніе, что сіе было въ XVI. XIII и XII столѣтіи, когда Русскихъ считали дикими, и малымъ чемъ просвѣщеніе народовъ, обитающихъ въ Канадѣ и новой Голландіи. Приведемъ себѣ на память, что Несторъ, первой Русской дѣписатель, котораго многіе иностранцы по ошибкѣ или невѣдѣнію, не монахомъ бывшимъ въ Феодосійскомъ монастырѣ, но самимъ Игуменомъ Феодосіемъ называютъ, жилъ въ срединѣ XI. вѣка, и что лѣтопись его, отъ 858 года начинающаяся, и 250 лѣтъ времени въ себѣ содержащая отъ другихъ духовныхъ особъ до 1203 года продолжаема была. Велико, что по раздѣленіи области Россійской на многія малыя владѣнія, многія изъ оныхъ собственныхъ своихъ между монахами дѣписателей имѣли, отъ которыхъ, не взирая на всеисѣдающее время и спрашныя смятенія, Россія, при всемъ ея отъ удѣльныхъ властей опустошеній, сохранила однакожъ нѣкоторыя памятники, показующіе древность Славенскаго языка, и чистоту, съ какою предки Рускихъ объяснялись, которыхъ мы, по несправедливымъ о нихъ сказкамъ иноземцевъ, за дикихъ считали привыкли. Велико также, что ни какой почти переводъ съ Греческаго и Еврейскаго на Французской или Нѣмецкой, или на всякой другой новой языкъ не можетъ сравниться съ Славенскимъ переводомъ, и что ни дѣянія Апостоловъ, ни Псалтырь на Французскомъ или Нѣмецкомъ языкѣ, не достигаютъ до той прекрасной простоты,

силы и краткости, до какой Славенскій переводъ возвышается.

Сіи супъ орудія, которыми сечинишель прошивниковъ своихъ побѣждаетъ. „Кто бы подумалъ, говоритъ онъ, что мы, оставя сіе многими вѣками утвержденное основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи Французскаго языка? Кому приходило въ голову съ плодотворной земли благоустроенный домъ свой переносить на бесплодную болотистую землю?“ Во кругъ сего средоточія все сочиненіе его обращается, и нынѣшнее воспитаніе дѣтей починаятъ онъ главною, и даже единственною причиною втѣснившихся въ Россійскій языкъ нововведеній. „Какое знаніе, продолжаетъ онъ, можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знающихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногшей своихъ находятся на рукахъ у Французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, учаются презирать свои обычаи, не чувствительны, но получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говоря въ языкѣ ихъ свободѣ нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ приспоспособіемъ, что не только не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыдились изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ хвастаются и величаются? Но какимъ образомъ воспріимчивовать, чтобъ болѣзнь сія не усилилась? Послушаемъ самаго писателя: мы языка своего не любимъ, но знаемъ ли мы оный? Какому Волтеру, Жанъ Жаку, Корнелию придетъ въ голову обучать насъ оному? (*) Станемъ, прежде чѣмъ иностранныхъ писателей, читать своихъ; станемъ цер-

(*) Здѣсь Нѣмецкій разсмаприватель не точно переводитъ слова Русскаго подлинника, въ которомъ сказано: „Какую пользу принесетъ намъ чтеніе иностранныхъ книгъ, когда не будемъ мы читать своихъ? Волтеры, Жанъ Жаки, Корнелии, Расины, Молиеры, не научатъ насъ писать по Русски.“ Впрочемъ и всѣ нижеписанныя имъ выписки не сряду изъ подлинника, но сокращенно изъ всего сочиненія почерпнуты, какъ самъ разсмаприватель ниже сего скажетъ.

„ковныя книги читають, буде не для удовольствія,
 „такъ для того, чѣмъ познають изъ нихъ основа-
 „ніе языка своего, открывъ источникъ онаго, по-
 „черпнуть духъ его и силу. Тогда только можемъ
 „мы безъ предубѣжденія проповѣдать языка своего
 „учиться чужимъ языкамъ. Познавъ природной
 „языкъ свой, мы приучимся любить оный, находимъ
 „въ немъ сладость, говоримъ имъ свободно и скла-
 „дно, писать на немъ чисто и краснорѣчиво. Спа-
 „немъ перенимаемъ у Французовъ, но не обороты
 „ихъ рѣчей, а попеченіе и трудолюбіе, которыми
 „обогатили они бѣдный языкъ свой.“

Всѣ сіи разсѣянные во всемъ сочиненіи разсуж-
 денія, о которыхъ мы весьма легкое шокмо даемъ
 понятіе, доказываютъ нѣмъ больше здравый судъ
 сочинителя, что онъ, чрезъ сличеніе стараго съ
 нынѣшнимъ употребительнымъ образомъ писанія, худость
 сего послѣдняго приводитъ въ очевидную явность.
 Доказательствомъ, что не упрямое къ старинѣ
 пристрастіе понудило его изрѣчь строгое проповѣ-
 нынѣшнихъ писателей сужденіе, можетъ служить
 то, что хорошіе приведенные имъ примѣры не изъ
 библіи единственно и церковныхъ книгъ взяты, но
 также и изъ славнаго Ломоносова, котораго онъ
 первѣйшимъ Французскимъ лирикамъ (Мальгербу и
 Руссо:) предпочитаетъ, а именно предложенную имъ
 въ стихахъ къ чести Жанъ-Батиста оду, перево-
 домъ котораго Елисаветинъ пѣвецъ приобрѣлъ вы-
 сокую славу (*). Сочинитель говоритъ также и о
 Сумароковѣ которому только глубокаго въ языкъ
 знанія недоставало, дабы сравниться съ Расиномъ и
 Лафонтемомъ; и о Московскомъ Митрополитѣ
 Платонѣ, котораго рѣчь говоренная при Коронаци-
 нынѣ владѣющаго ИМПЕРАТОРА исполнена кра-
 снорѣчія. Сверхъ сихъ многихъ и другимъ новѣй-

(*) Namentlich Seine zur Ehre des Jean Baptiste gedichtete ode, durch deren uebersetzung sich der Dichter der Elisabeth einen hohen Ruhm erwarb. Sie мнѣніе не есть сочинителя о старомъ и новомъ слогѣ: онъ ни гдѣ не говоритъ, что Ломоносовъ переводомъ Руссовой оды приобрѣлъ высокую славу. Ода сія переведена конечно хорошо, но собственныя оды Ломоносова далеко превосходятъ и сей переводъ его и подлинникъ Жанъ-Батистовъ.

шимъ писателямъ опдаешъ онъ всевозможную справедливоспъ. — Такъ еспъ еще въ Россіи хорошіе писатели? — „Да, но пелько тѣ, которые силу и богатспво языка своего знаютъ, и потому гоняпся за чужими словами не имѣютъ нужды. Однако, добрые примѣры сихъ писателей, худыми примѣрами множеспва другихъ, заглушаются и спановяпся безполезными.“ — Но такъ ли Русской языкъ богатъ, чпобъ всякому Французскому слову можно было находипъ въ немъ равносильное? — „Нѣтъ, но сей недостатокъ во Фрэнцузскомъ языкъ гораздо чувспвительнѣе, и писатели ихъ при переводѣ съ Русскаго еще въ большемъ запрудненіи находятспся будупъ. И такъ спанемъ чипапъ ихъ книги для обогащенія мыслей своихъ и распроспраненія свѣдений, но спанемъ чипапъ и наши для пріобрѣтенія знаній въ собственномъ языкъ своемъ. Послѣдупмъ примѣру Ломоносова: онъ за великую славу свою сколько природнымъ дарованіямъ обязанъ, сполько же и глубокому въ языкъ знанію, которое пріобрѣлъ онъ чрезъ прилѣжное чпеніе книгъ Славенскихъ. Спанемъ въ производспво словъ своихъ вникапъ, и упопреляпъ оныя по свойспву нашего, а не посвойспву чужаго языка; ибо упопреляя ихъ худо, мы привыкаемъ давапъ имъ новыя знаменованія, и порпимъ ихъ вмѣспю того, чпобъ кругъ знаменованія ихъ распроспраняпъ (*). Сего ради сочинипель приглашаетъ согражданъ своихъ общими трудами соспавипъ словарь, всѣхъ прежнихъ подробнѣйшій, въ которомъ бы каждое слово многими примѣрами во всемъ проспранствѣ знаменованій своихъ показано было и прилагаешъ пому не большой опытъ при концѣ своего сочиненія (**).

(*) Сочинипель о старомъ и новомъ слогѣ полагаетъ два рода злоупотребленій: 1е что Рускимъ словамъ дается знаменованіе иностранныхъ- (Смотри ясный сему примѣръ на стр. 42 расужденія его). 2е что чрезъ злоупотребленіе иностранныхъ словъ, собственные свои, пожъ понятіе означающія, оспаются безъ употребленія, и потому кругъ знаменованія ихъ часъ епъ часу уменьшается.

(**) Сочинипель не общій словарь разумѣетъ здѣсь, но только тѣхъ Славенскихъ словъ, которые отъ того

Мы представили здѣсь только главныя мнѣнія сочинителя. Замѣтимъ еще одно, что слогъ его, хотя и могъ бы нѣсколько напыленъ быть, однакожъ чистъ и ясенъ, и что вообще не позволялъ онъ себѣ ничего такого за что обвинялъ другихъ (*).

(8). Не благодарными, но нечувствительными справедливо должно признавъ безстыдно однимъ по наслѣдству доставшимся себѣ благородствомъ, хвастающихъ, отечества сыновъ, кои дѣтей своихъ въ невѣжествѣ ославляя не ужасаются. Нельзя не признавъ, что сіи совы не въ маломъ еще числѣ найдены быть могутъ. Они, по словамъ вашихъ же прудовъ достойнаго соучастника, за довольно почидаютъ, принявъ въ домъ свой для дочерей мамзель, а для сыновъ парихмакера, обойщика, или по большому танцмейстера изъ Французовъ. — У сихъ развратныхъ невѣждъ, нѣсколько не возвращенныхъ младости лѣтъ, проводя дѣти ихъ, вылетаютъ на свѣтъ сколько далекими отъ познанія самихъ себя, слѣпыми въ своемъ законѣ. несмысленными въ ученіяхъ, столько надмѣнными мною своею просвѣщенностію, и проницательнымъ

мало употребительны и остаются въ забвеніи, что ни гдѣ не истолкованы и не объяснены примѣрами.

(*) Чужеземный разсмаприватель вышеозначенной Руской книги почернулъ изъ ней сіе мнѣніе. Сколько мнѣ извѣстно, никогда прежде иностранцы языку нашему не отдавали сей справедливости, въ чемъ ихъ и винить не можно: они мало и простонародное наше нарѣчіе знаютъ, но кто же изъ нихъ въ высокомъ Славенскомъ языкѣ такъ искусенъ, чтобъ силу и богатство его разбиралъ, и красоты онаго, столько же какъ и собственнаго языка своего, чувствовашъ могъ? Да и сего было бы еще не довольно, еслибъ онъ другихъ въ томъ не увѣрилъ. И такъ намъ самимъ, намъ, Рускимъ, надлежало бы показатъ, располковатъ имъ оное. Но какъ мы также, больше ихъ книги читаемъ, нежели свои, то и остаются всѣ наши словесныя драгоценности не только отъ нихъ, да и отъ насъ самихъ сокрыты.

остроуміемъ, по коему не стыдятся себя во всякомъ родѣ ученій, знающими щипать. (См. письмо на 156 стр. къ издашелямъ собесѣдника любии. Россійс. слова. Часть XI 1784 года),

(9). Кажется однако, что Французской писатель увлекался болѣе общимъ въ его время разумомъ, нежели собственнымъ своимъ убѣжденіемъ: ибо во многихъ мѣстахъ онъ оправдываетъ такое Французовъ прилѣжаніе къ языку своему, чему и причины вычисляетъ. „Сколько я могу примѣнить, говоритъ онъ, четыре или пять вещей особливо къ сему способствовали. Во первыхъ завоеваніе покойнаго Короля, который весьма владѣніе его распространяли; и по нужному послѣдствію приучили разные народы говорить нашимъ языкомъ въ предпочтеніе своего. Второе разсѣяніе Гугеновъ, которые бывъ выгнаны изъ Государства, пошли жить въ Англію, въ Голландію, въ Пруссію и другія государства, куда они съ собою и нашъ языкъ принесли, и содержали школы; и однимъ словомъ преподавали его новымъ своимъ хозяевамъ, почти такъ, какъ поселенія Греческія иногда распространяли свой языкъ въ Азіи. Третье, стараніе, которое тогда во Франціи имѣли, чтобъ привести въ совершенство нашъ языкъ: въ чемъ мы одолжены Французской Академіи, въ правленіе Людовика XIV, котораго царствованіе всегда будетъ эпоха хорошаго вкуса во Франціи. Четвертое, щастливая смѣлость нѣкоторыхъ нашихъ писателей, которые писавъ о художествахъ, сочинили себѣ особый языкъ, но языкъ хорошей, богатой и изобильной, такъ, что мы имѣемъ нынѣ довольно число словъ, дабы хорошо писать о всякихъ матеріяхъ, да и о самыхъ труднѣйшихъ и неспособнѣйшихъ имѣть пріятности. Наконецъ пятое, великое число хорошихъ Французскихъ книгъ, которые въ послѣдніе сто лѣтъ въ свѣтъ изданы, и которые чужестранцы читаютъ съ великимъ же удовольствіемъ какъ и мы. А понеже обыкновенно стараются изучиться единому языку со упущеніемъ другаго: то по мѣрѣ какъ стали прилѣжательнѣе къ Французскому языку, и къ чтенію писанныхъ на семъ языкѣ книгъ, необходимая нужда преобладала, чтобъ тѣмъ меньше рачить о Греческомъ и Латинскомъ. И вотъ первая причина паденію сло-

„весныхъ наукъ; но еще есть многія другія (*).“ Такъ разсуждаешъ сей писатель и жалуется на паденіе словесныхъ наукъ у Французовъ, но у нихъ были уже Аміюпы, Вожеласы, Обланкуршы, Моншани Фернели, Масдонаши, Куяціи, Гассенды, Денарпы и многіе другіе по свидѣтельству сего-же писателя. Французы жаловались на то, что переспавали у нихъ учишься по Гречески да по Латыни, а мы спанемъ жаловаться на то, что забываемъ природный языкъ свой. Кто-же имѣетъ болѣе права? и чье нерадѣніе постыднѣе и вреднѣе? Французы имѣли уже нѣкоторую справедливоспъ отспавать отъ чужихъ языковъ, когда имѣли на своемъ шѣже богатспва, и хошя сіи богатспва были не споль великолѣпныя и блестящія, за то они спали обогащаться другога рода сокровищами, каковыхъ ни на Греческомъ ни на Латынскомъ языкахъ найши не лзя было. На сихъ послѣднихъ одна словесность плѣняла ихъ; они на своемъ природномъ могли также чипать, хошя не съ такою сладспію, Гомера, Виргилія, Горація, и обогащаются сверхъ того новыми познаніями и отккрытіями, какія представляли имъ другія науки, и какихъ чужія языки не могли имъ доспавить. Что же насъ понуждаешъ нерадѣть о изученіи языка своего?

(10). Не все у насъ еще, слава Богу! Заражены Францією; но есть много и такихъ, которые съ великимъ любопытствомъ чипать будущъ описанія нѣкоторыхъ обрядовъ, въ сожитіи Предковъ нашихъ употреблявшихъ; съ неменшимъ удовольствіемъ увидятъ нѣкое начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ, и съ восхищеніемъ познають великость духа ихъ, украшеннаго простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древнихъ чужеземскихъ народовъ; но гораздо полезнѣе имѣть свѣденіе о своихъ Предкахъ; похвально любить и отдавать справедливоспъ достоинспвамъ иностранныхъ, но спыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными. Напоенные Сенскимъ воздухомъ сограждане наши, спанувъ можетъ бытъ пересмѣхаютъ суевѣріе и простоту, или по

*) См. сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащія, Іюль, 1760 года стр. 75.

ихъ глупость нашихъ Прапрадѣдовъ: но одни ли Россіяне подвержены были суевѣрію? — Пустъ припомнимъ господа наши полуфранцузы день святаго Варфоломея: тогда не должно будетъ удивляться, что у насъ нѣкоторые частныя люди отъ суевѣрія пострадали. (Виеліопека часть 1.)

(11) Можетъ быть, инымъ спрранно покажется, что я такъ тѣсно соединяю любовь къ отечественному языку съ любовью къ самому отечеству, и отъ сего союза произвожу великія дѣянія. Такое мнѣніе я довольно часто обнаруживаю въ семъ сочиненіи и какъ бы въ основаніе принимаю всего полезнаго и великаго. Но чтобы сего не приписали мнѣ въ приспращіе, опровергая тѣмъ, что знаменитыя дѣла могутъ рождаться независимо отъ языка, въ чемъ увѣряетъ насъ не токмо дѣяніе древнихъ и новѣйшихъ народовъ, но и собственнаго нашего отечества; то въ отвращеніе всякаго недоразумѣнія, я долженъ здѣсь одинажды навсегда сказать, что и я непріемлю мнѣнія сего за непрѣмное правило. Что же здѣсь на него съ такою силою упираюсь, то это въ такомъ случаѣ, когда въ отечествѣ чужеземнымъ языкомъ говорящъ предпочтительно предъ своимъ. Если въ какой землѣ по недоспащку въ просвѣщеніи не брегущъ учиться народному языку, и презирающъ чужеземными, тогда ясно, что любовь къ отечеству не можетъ измѣряться любовью къ языку: но гдѣ гордящъ просвѣщеніемъ и пространствомъ познаній, гдѣ славу отечества заключающъ уже не въ одномъ побѣдоносномъ оружіи, но и въ мудромъ законодательствѣ, и въ распространеніи наукъ и художествъ, а ко всему етому не токмо не прилагающъ изученія языка своего, но еще предпочитаютъ ему чужестранный, тамъ смѣло можно сказать, что любовь къ отечеству ущербляется таковымъ къ языку своему охлажденіемъ, или паче небреженіемъ: ибо тогда любовь къ языку есть мѣра любви къ отечеству. Въ таковыхъ обстоятельствахъ сіи обѣ любви должны быть неразрывны; но если нѣтъ сего союза, тамъ должно предполагать, что или любовь къ языку или любовь къ отечеству ослаблена; а ослабленіе одной изъ нихъ не можетъ быть безъ того, чтобы не послѣдовало ослабленія въ другой. Отъ сего же обоюднаго попрясенія происходитъ ослабленіе въ нравахъ

отъ куда истекаютъ уже всѣ развраты, по-
лико гибельныя для государства: какъ напрошивъ по-
го соединеніе сихъ двухъ любовей можетъ быть ис-
точникомъ дѣла великихъ и цвѣтущаго состоянія на-
родовъ; и въ семъ по смыслу я приемию здѣсь оныя,
увѣренъ будучи впрочемъ, что Минины могутъ быть
спасителями опеческа своего, не бывъ знапоками
въ языкъ; приемиа за неоспоримое равнымъ обра-
зомъ и то, что Минины не могутъ сдѣлаться Ми-
нинами и избавителями своего опеческа, еспли
они презрѣвъ языкъ земли своей, предпочтутъ ему
языкъ чуждый.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.
